АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIME

Дипак ЧОПРА

Почему вселенная не может существовать без Бога?

МОЙ ОТВЕТ ВОИНСТВУЮЩЕМУ АТЕИЗМУ, ЛЖЕНАУКЕ И ЗАБЛУЖДЕНИЯМ РИЧАРДА ДОКИНЗА

Дипак Чопра

Почему Вселенная не может существовать без Бога? Мой ответ воинствующему атеизму, лженауке и заблуждениям Ричарда Докинза

Серия «Золотой фонд науки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12110624
Чопра, Дипак. Почему Вселенная не может существовать без Бога? Мой ответ воинствующему атеизму, лженауке и заблуждениям Ричарда Докинза: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089358-4

Аннотация

Существует ли Бог? Согласны ли вы с Ричардом Докинзом, который считает, что Бог – это просто иллюзия? И возможно, пора уже забыть о Боге? Ведь понятие Бога противоречит здравому смыслу, открытиям современной науки в области биологии, эволюции, физике, астрономии…

Нет! Именно сегодня на фоне достижений науки, когда человечество получает все больше знаний о микромире, исследует дальний космос, проводит операции на генах, понятия «вера», «Бог» актуальны как никогда. Мир намного сложнее, чем на стерильной картинке Докинза. И в этом мире есть место Богу!

Давайте узнаем, почему это именно так.

Дипак Чопра, дипломированный врач, философ, всемирно известный писатель, всесторонне исследует идею, феномен и саму суть понятия Бога, не навязывая при этом собственного мнения, но оставляя простор для размышлений и раздумий.

Философские положения обильно проиллюстрированы чудесными и необычными случаями из жизни незаурядных людей, таких как Мать Тереза, Патер Пио, Альберт Эйнштейн, великомученик Максимилиан Кольбе и др. В книге столько же религии, сколько и науки, поэтому ее с полным правом можно назвать научным исследованием теории существования Бога.

Содержание

Отзывы о книге Дипака Чопры 5
Пролог 8
Почему у Бога есть будущее 11
Где вы сейчас? 12
Бог – глагол, а не существительное 14
Новая версия: Бог 2.0 17
Три стадии осознания 19
Путь к Богу. Стадия I: Неверие 22
Докинз и его иллюзии 22
Тактика убеждения 24
Бог без трюков 26
Духовность Эйнштейна 28
Ответ воинствующему атеизму 32
Мир, перевернутый с ног на голову 34
Как доказать, существует ли утконос 37
Что такое Бог, или «Уловка 747» 40
«Возможно» или «возможно, нет» 43
Об утконосе, и не только 46
Психология уверенности 49
Атеизм за коктейлями 49
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Дипак Чопра
Почему Вселенная не может существовать без Бога? Мой ответ воинствующему атеизму, лженауке и заблуждениям Ричарда Докинза

Посвящается всем ищущим

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Права на перевод получены соглашением с Harmony Books, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House L.L.C. при содействии литературного агентства Synopsis (Россия).

Deepak Chopra

Future of God. A Practical Approach to Spirituality for Our Times

© Deepak Chopra, 2014

© Вик Спаров, перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Отзывы о книге Дипака Чопры

Как ядерный физик, занимающийся теорией квантового поля, я не могу не признать, что мои взгляды на мир полностью совпадают со взглядами Дипака Чопры. Всеобъемлющее единое квантовое поле – это шаг вперед по сравнению с классической редукционистской интерпретацией детерминированной «реальности». Оно предлагает нам динамичный, живой космос, или «Wirklichkeit». Книга Дипака Чопры будет у всех на устах еще очень и очень долгое время.

Ганс Петер Дуэрр, научный сотрудник Института физики и астрофизики имени Макса Планка

Эта книга – яркий образчик потребности современного человечества в реальности, творимой сознанием. Она разделяет выводы квантовой физики, доказавшей важность ума, и дает достойный отпор воинствующим атеистам, чья наука базируется на обветшалых взглядах, которые, как известно, неверны и устарели почти век назад.

Менас Кафатос, профессор вычислительной физики в Чапманском университете, соавтор книги «Нелокальная Вселенная: новая физика и материя сознания»

Превосходное и мастерски представленное доказательство того, почему великую мистерию жизни на Земле нельзя объяснить одними лишь случайностями. Эту чудесную, всем доступную книгу обязательно должны прочитать все, кто, подобно Эйнштейну и другим пионерам в области новой физики, испытывает чувство крайнего смирения, созерцая величие космоса.

Мурали Дорайсвами, профессор психиатрии, сотрудник Дьюкского института мозга

В эпоху, когда революция, происходящая в области физической науки, полностью меняет наше понимание человеческого сознания, данная книга – та самая, которая должна быть написана и которую никто, кроме Дипака Чопры, не написал бы лучше. В своих блестящих анализах Чопра показывает, как Бог эволюционирует вместе с сознанием и как рьяные защитники и религии, и атеизма по-прежнему чтят все того же устаревшего Бога. Это книга – сокровищница глубоких откровений, которые не только трогают ваше сердце, но и ведут вас к пониманию того, что Бог – Бог, с которого сорваны покровы иллюзий, – необходимое условие вашего физического благоденствия.

Лотар Шефер, заслуженный профессор физической химии (в отставке) университета Арканзаса, автор книги «Бесконечный потенциал»

Книга, без которой не обойтись! Чопра убедительно демонстрирует ограничения, тщеславие и интеллектуальную слепоту «новых атеистов». Он признает, что неверие тоже играет свою роль в современном мире, но при этом показывает, как подняться над узким догматизмом атеистов и достичь более богатого опыта понимания реальности.

Руперт Шелдрейк, доктор философии, автор книги «Наука – освободительница»

Умелый и быстрый укол в ответ на торжествующий воинствующий атеизм, который без стеснения похваляется своими воображаемыми победами над традиционной религией. Доктор Чопра показывает, что это давно всем наскучившее движение, основанное на скверной философии, скверной науке и скверной психологии, увязло в полном хаосе и неразберихе относительно того, что такое подлинная духовность. Он показывает, что воинствующий атеизм одним мановением руки ловко подменяет одну слепую веру другой, по ходу

дела одурачивая и себя. Доктор Чопра описывает путь приближения к Богу, совпадающий с современным научным мировоззрением, и одновременно воздает должное внутренней связи человека с Богом.

Лари Досси, доктор медицинских наук, автор книги «Один ум: почему наш индивидуальный ум – часть великого сознания и почему это важно»

Вечная борьба, которую ведут между собой два мировоззрения, одно религиозное, другое научное, приводит в немалое смущение умы людей Запада. В этой книге визионер Дипак Чопра берет на себя роль «поводыря в путаном лабиринте» и справляется с ней блестяще, так, как может только он. Эта книга важна по двум причинам. Первая – и это настоящее чудо – та, что Дипак проделал удивительную работу по разоблачению так называемых «обличителей», то есть людей типа Ричарда Докинза, который, как это очевидно, не в состоянии даже отличить публичный аспект религии от эзотерического. Последний касается непосредственно духовности, которая получила новую мощную поддержку со стороны квантовой физики и других эпохальных открытий в области науки. Вторая причина, делающая эту книгу столь важной, – та, что она действительно служит надежным гидом в лабиринте бесконечных «как» и «почему» и четко отвечает на вопрос, как и почему следует искать Бога даже в наше бестолковое время.

Амит Госвами, квантовый физик, автор книг «Вселенная, сознающая саму себя», «Квантовый доктор» и «Как квантовая активность может спасти цивилизацию»

Дипак Чопра удачно совместил древнюю философию Веданты со своим уникальным видением перспектив современной науки и предложил широкому кругу читателей ряд решений, которые в состоянии удовлетворить многочисленные потребности нынешней эпохи. Он принадлежит к числу наиболее влиятельных ученых, писателей и мыслителей, отыскивающих истину в философии веков и показывающих людям путь, как применять эту истину в повседневной жизни.

Хьюстон Смит, автор книги «Почему так важна религия: судьба человеческого духа в эпоху безверия»

В своей книге Дипак виртуозно анатомирует постулат воинствующих атеистов о том, что в жизни нет ни смысла, ни цели, а потому в случайно возникшей Вселенной отсутствует необходимость в вере. Он умело ведет полемику, противопоставляя веру безверью, и приводит разумные доводы в пользу того, почему должно и нужно перерасти все эти упрощенные догмы, вокруг которых до сих пор ведутся давно уже бесполезные и никому не нужные споры.

Дин Редин, доктор философии, автор книг «Сознательная Вселенная» и «Паранормальное»

Самые эпохальные, преобразующие открытия начинаются с заблуждения, стимулируются озарением, движутся верой, опробуются наукой и кульминируют в истине. Дипак Чопра прекрасно делает свое дело, доказывая, что Вселенная, лишенная Бога и сознания, – величайшая иллюзия в мире.

Руди Танзи, соавтор бестселлера «Сверхмозг»

Материализм Докинза, – объясняет Чопра, – это чистая иллюзия, а не Бог. Восточные спиритуалисты, западные конструктивисты и квантовые физики согласны между собой: именно сознание оформляет, если не творит, мир. Материализм – это мираж более глубокой

квантовой реальности, то, что проступает на поверхности в виде живых систем, направляющего сознания и эволюции. Короче говоря, слеп не «часовщик» – слеп Докинз.

Стюарт Хамерофф, доктор медицинских наук, профессор анестезиологии и психологии, директор Центра по изучению сознания в университете Аризоны

Пролог

Вера претерпевает трудные времена. На протяжении нескольких тысячелетий религия внушала нам веру в любящего, всеведущего и всемогущего Бога, обладающего всеобъемлющей властью. В результате история пошла длинным и подчас весьма извилистым путем. Бывали моменты великой радости, чередовавшиеся с моментами невыразимого ужаса, и все это – во имя религии. Но сегодня, по крайней мере на Западе, религиозная эпоха стремительно движется к концу. Религия для большинства людей – это нечто само собой разумеющееся. Исчезла живая связь с Богом. А неверие тем временем растет и ширится. Да и как может быть иначе?

Как только намечается непреодолимая пропасть между нами и Богом, тут же всплывает на поверхность глубочайшее разочарование. Мы прошли через очень большое количество катастроф, чтобы верить в милостивого, любящего Бога. Кто, вспоминая Холокост или 11 сентября 2001 года, поверит, что Бог – это любовь? Стоит вспомнить об одной беде, как тут же приходят на память сотни других. Если вы попытаетесь прозондировать религиозную почву и узнать, что на деле происходит, когда люди думают о Боге, то окажется, что эта почва оскудела неимоверно. Людьми владеет свербящее чувство сомнения и неуверенности.

Долгое время бремя веры нес на себе несовершенный верующий. Если Бог не вмешивается, не облегчает страдания и не наводит мир и порядок, значит, в этом виноваты мы. В этой книге я заново пересматриваю многие вещи и возлагаю бремя опять на Бога. Пора начать задавать резкие и прямые вопросы: «Почему Бог допускает столько страданий в мире? Игра ли все это, или то, что любящий Бог существует, всего лишь пустое обещание?»

Эти вопросы настолько неудобны и обременительны, что мы стараемся их не задавать, а для миллионов людей они и вовсе несущественны. Нас больше привлекает новая технология, обещающая значительно улучшить нашу жизнь. А Бог, особенно в XXI веке, – это нечто, давно вышедшее из моды.

Насколько я понимаю, настоящий кризис веры никак не связан с падением посещаемости церкви, тенденцией, которая наметилась в Западной Европе и Соединенных Штатах в 1950-е годы и продолжается сегодня. Нет, настоящий кризис веры связан именно с невозможностью отыскать такого Бога, который бы хоть чего-то стоил и которому можно было бы доверять. Вера сегодня напоминает развилку на дороге, к которой все мы подошли и у которой стоим. Одна дорога ведет в реальность, которую творит живой Бог, а другая – в реальность, где Бог не просто отсутствует, но является фикцией. Именно во имя этой фикции люди сражались и умирали, пытали язычников, устраивали кровавые крестовые походы и творили всякий прочий немыслимый ужас.

В Новом Завете нет более циничной и раздирающей сердце сцены, чем сцена распятия Христа, когда проходящие, понукаемые первосвященниками Иерусалима, злословят и осыпают насмешками Сына Божьего, медленно и мучительно умирающего на кресте:

«Других спасал, – говорили они, – а Себя Самого не может спасти! если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него. Уповал на Бога, пусть теперь (Бог) избавит Его, если Он угоден Ему» (*Матф. 27:42–43*).

Сарказм этих слов со временем не стал меньше, но здесь есть некий неявный смысл, о котором стоит поговорить подробнее. Иисус учил людей доверять Богу целиком и полностью: мол, вера горы движет. Он учил, что не нужно заботиться о дне сегодняшнем, ибо он сам о себе позаботится, имея в виду, что Провидение даст все необходимое. Если не брать в расчет мистический смысл Распятия, то спрашивается: должна ли быть у вас и у меня такая вера?

Если бы люди только знали, что они подходят к развилке и стоят у нее много раз на дню! Я пишу это не как христианин – я вообще не придерживаюсь в личной жизни никакой организованной религии, – а лишь выражаю собственное мнение; но я хочу сказать, что Иисус не имел в ввиду, что Провидение снабдит вас деньгами, пищей, кровом и многими другими благами, если только вы будете достаточно долго ждать. Он имел в виду пищу на утро и кров на ночь. «Просите, и дано вам будет; стучите, и да откроют вам» – эти слова говорят о выборе, который мы делаем в настоящий момент. И это резко повышает ставки, ибо если Бог разочарован все то время, когда Он не может до нас достучаться, то мы разочарованы все то время, когда идем дорогой неверия, то есть буквально каждый день и каждый час.

Зерно неверия посеяно во всех нас. Именно оно тайно внушает нам множество причин, почему следует отмести веру. Как человек, не чуждый сострадания, я надеюсь, что, если бы мне довелось увидеть зрелище распятия, я бы почувствовал жалость. Но в личной жизни я хожу на работу, откладываю деньги на черный день и, оказавшись ночью на незнакомой улице, иду, оглядываясь через плечо. То есть веры в себя во мне гораздо больше, чем веры во внешнего Бога. Я называю это нулевой точкой, надиром веры. В нулевой точке Бог и в самом деле ничего не значит; ничего не значит Он и в суетных делах жизни. Если смотреть из нулевой точки, то окажется, что Бог или бессмыслен, или немощен. Возможно, Он взирает на наши страдания, и они его трогают, или, что вероятнее всего, Он просто пожимает плечами и отворачивается.

Для того чтобы у Бога было будущее, мы должны выбраться из этой нулевой точки и найти новый способ жить духовной жизнью. Нам не нужны новые религии, новые писания или более вдохновляющее свидетельство величия Бога. Те, что у нас есть, вполне хороши (и вполне плохи). Бог, достойный веры, должен быть деятельным Богом, но стать таковым, на мой взгляд, Он сможет только тогда, когда начнет действовать, а не расстраиваться.

Подобные радикальные перемены влекут за собой и нечто столь же радикальное – полный пересмотр реальности. Чего люди никак не могут понять, так это того, что когда вы сомневаетесь в Боге, вы сомневаетесь в самой реальности. Если бы реальность представляла собой то, что лежит на поверхности, то не было бы и веры, ибо во что тогда верить? Мы можем быть привязаны к 24-часовому недельному циклу новостей и делать все от нас зависящее, чтобы с этим справиться. Но если реальность – это нечто, что объемлет высшие измерения, то ситуация меняется. Нельзя перестроить Бога, который никогда не существовал, но можно восстановить разорванную связь.

Я решил написать книгу о том, как восстановить связь с Богом, так чтобы Он стал столь же реален, как буханка хлеба, и столь же надежен, как восход солнца, – или можете выбрать что-то другое, во что вы действительно верите и реальность чего не подвергаете сомнению. Если Бог существует, нет причин разочаровываться ни в Нем, ни в самих себе. Да и скачка от неверия к вере тоже не требуется. Тем не менее, нужно сделать что-то глубокое, нужно осуществить пересмотр того, что возможно. Это подразумевает внутреннюю трансформацию. Если кто-то говорит вам: «Царство Небесное внутри вас», – не нужно думать с острым чувством вины: «*Ну уж нет, во мне его точно нет*». Нужно спросить, что нужно сделать или принять для того, чтобы это утверждение оказалось верным. Духовный путь начинается с простого любопытства: неужели что-то такое немыслимое, как Бог, что-то, во что трудно поверить, действительно существует?

Миллионы людей уже наслышаны об «иллюзии Бога» – тезисе, придуманном сворой воинствующих атеистов, открыто признающих себя врагами религии. Это взбудоражившее всю общественность движение, возникшее вокруг идей Докинза, облекает свои нападки в понятия науки и разума. Даже если люди не применяют к самим себе термин *атеист*, многие из них живут так, как будто Бог и в самом деле ничего не значит, и это влияет на их

выбор, который они делают в повседневной жизни. Там, где это происходит, неверие празднует полную победу.

Веру, чтобы не допустить ее вырождения, можно спасти и восстановить только более глубоким исследованием тайны бытия.

Я не хочу клеймить атеизм, особенно если он лишен воинственности, или говорить о нем что-то грубое или резкое. В свое время Томас Джефферсон написал: «Я не нахожу в христианстве ни одного спасительного свойства», но он же при этом всячески содействовал тому, чтобы общество было построено на основах терпимости. Докинз и компания нетерпимы к религии и гордятся этим. Атеизм может быть забавен сам по себе, как может быть забавным и христианство, о котором Бернард Шоу остроумно выразился: «Христианство могло бы быть хорошей вещью, если бы кто-то когда-нибудь его на себя примерил». Каждая мысль имеет свою противоположность, и когда дело касается Бога, неверие предстает как вполне закономерная противоположность веры.

Неправильно считать однако что атеизм всегда и во всем противоположен Богу. Согласно данным опроса, проведенного Исследовательским центром Пью в 2008 году, 21 % американцев, называющих себя атеистами, верят в Бога или во Всемирный Дух, 12 % верят в рай, а 10 % молятся хотя бы раз в неделю. Так что атеисты не утратили полностью веры, ибо сама вера превыше критики: ее-то критиковать, собственно говоря, не за что. Но Докинз, с улыбкой и тоном уверения, открыто исповедует духовный нигилизм. И я понимаю, что мне волей-неволей приходится выступать против этого, хотя, уверяю вас, никакой личной неприязни я к нему не питаю.

Веру необходимо спасти ради самих людей. На почве веры взрастает страсть к вечному, и эта страсть сильнее любви. Многие из нас или утратили эту страсть, или никогда ее не испытывали. Приводя доводы в пользу Бога, я так хочу вложить в них те экспрессию и настойчивость, что звучат вот в этих поэтических строках индийской принцессы Мирабаи, которая прославилась во всем мире как поэт-мистик:

Любовь, что связывает меня с Тобой, о Господи,
неразрывна,
Как алмаз, при ударе о который
плющится молот;
Как лотос, поднимающийся из воды,
жизнь моя поднимается из Тебя;
Как ночная птица, завороженная
плывущей в небе луной,
И я заворожена, пребывая в Тебе.
О мой возлюбленный, вернись!

В любую эпоху вера – это крик сердца. Если вы твердо убеждены, что Бога не существует, нет ни малейшего шанса на то, что эти страницы убедят вас в обратном. Тропа однако открыта всегда, и открыта для всех. Если веру можно спасти, результатом будет крепнущая надежда. Сама по себе вера не предлагает Бога, но она дает нечто более своевременное: она делает возможным существование Бога.

Почему у Бога есть будущее

Когда заходит речь о Боге, почти все мы, и верующие и неверующие, страдаем некоей близорукостью. Мы видим – а стало быть, и верим – только то, что находится прямо перед нами. Для верующего Бог – Отец, он видит в Нем благосклонного родителя, который с высоты Своего положения судит наши поступки, даруя милосердие и справедливость. Другие же считают, что Бог далеко, что Он имперсонален и безучастен. И все же Он может оказаться гораздо ближе и зримей, чем мы думаем, ближе, чем даже дыхание.

В каждый данный момент в мире находится кто-то, кто, к своему изумлению, открывает, что опыт ощущения и познания Бога вполне реален. В нем вдруг пробуждается уверенность и ожидание чуда. Я храню на всякий случай под рукой отрывок из книги Торо «Уолден», где он говорит об одном «работнике с фермы, живущем в одиночестве на краю мира в полном согласии с Богом и природой и словно заново родившемся». Как и мы, Торо удивляется тому, что чье-то свидетельство о возможности получения «неповторимого религиозного опыта» оказывается действенным. В поисках ответа он обращается к истории и прозревает сквозь века:

» **Зороастр тысячи лет назад странствовал по этой же дороге и имел тот же опыт; и, будучи мудрым, он познал, что этот опыт универсален.**

Если вы вдруг окажетесь вместилищем некоего опыта или откровения, не поддающегося объяснению, говорит Торо, будьте уверены, что вы не одиноки. Ваше пробуждение вплетено в канву великой традиции.

» **В смирении соединившись с Зороастром и, посредством освобождающего влияния добродетелей, с Самим Христом, остается ли нам что-то другое, как предоставить «нашу церковь» самой себе?**

Говоря современным языком, Торо советует нам довериться глубоко заложенной внутри нас вере в то, что опыт духовных откровений вполне реален. Скептики, разумеется, распорядятся этим советом по-своему и поставят все с ног на голову. Сам факт того, что люди на протяжении веков неоднократно постигали Бога, скажут они, лишь свидетельствует о том, что религия – пережиток примитивного прошлого, психический реликт, который наш мозг должен отторгнуть, и мы должны всячески упражнять его в этом. Для скептиков Бог остался в прошлом – вместе со жрецами и священниками, которые обладали силой навязывать свою веру и пресекали всяческие поползновения в сторону у своих последователей. Но все попытки прояснить дело – то есть сказать раз и навсегда, что Бог абсолютно реален или, напротив, абсолютно нереален, – продолжают терпеть неудачу. Неразбериха продолжается, и все мы тоже теряемся в сомнениях и догадках.

Где вы сейчас?

Давайте же от абстрактного перейдем к личному. Когда вы всматриваетесь в себя и спрашиваете, какую позицию вы занимаете по отношению к Богу, то почти наверняка оказываетесь в одной из следующих ситуаций.

Неверие. Вы не приемлете того факта, что Бог реален, и выражаете свою веру в жизни, живя так, как будто Бог ничего для вас не значит.

Вера. Вы надеетесь, что Бог реален, и выражаете свою надежду в виде веры.

Знание. Вы не сомневаетесь в том, что Бог реален, и потому живете так, будто Бог всегда рядом.

Когда индивидуум становится духовно ищущим человеком, им движет желание сменить неверие на знание. С этого времени путь для него ясен.

Когда утром вы встаете с постели, что духовного вы должны сделать? Должны ли вы, например, стараться жить настоящим моментом, что́ считается очень духовным? Что ж, спокойствие пребывает и в настоящем моменте, если уж оно пребывает повсюду. И все же Иисус подчеркивает, насколько радикально такое решение: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться… Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (*Матф. 6:25, 33–34*).

По версии Иисуса, жизнь в настоящем подразумевает полное доверие Богу и веру в то, что Он даст вам всё. Его собственное доверие Богу безгранично. Что ни пожелает Иисус, Ему дается. Но как быть с бедными иудейскими тружениками, которые внимали Его речам, которые боролись с трудностями жизни, чтобы заработать себе на хлеб насущный, которые безрадостно жили под пятой римских завоевателей? Они могли лишь надеяться на то, что Провидение позаботится о них, и у них, вероятно, было достаточно веры, чтобы жить с этим. И все же отдаться вере безраздельно, целиком и полностью, без борьбы невозможно. Только Иисус был способен на это, ибо пребывал в том состоянии сознания, которое было нерасторжимо связано с Провидением; ибо Он видел Бога повсюду.

Во всех нас есть семена неверия, ибо мы родились в просвещенном веке, которому свойственно сомневаться по поводу всего мистического. Лучше сомневаться, но быть свободным, чем быть повязанным мифами, суеверием и догмами. Когда вы касаетесь живущего внутри вас скептика, неверие предстает как вполне разумное состояние. Но для большинства людей это также и состояние несчастья. Они чувствуют себя не в своей тарелке в этом светском мире, где почитают не Бога, а что ни попадя: то героев спорта, то комиксы, то идеальное тело. Наука тоже не дает нам уверенности в том, что жизнь имеет смысл, ибо описывает Вселенную как холодный космос, где всем заправляет случай.

Отсюда – настоятельность веры. Мы хотим, чтобы Вселенная стала нашим домом. Мы хотим чувствовать свою связь с творением. И более того, мы не хотим свободы, если она означает постоянную докучливую тревогу и неуверенность, такой свободы, которая во имя смысла жизни сорвала бы нас с якоря и насиженных мест. Поэтому, как бы мы это ни называли – приверженностью вере или привязанностью к традициям праотцев, – религиозная вера существует повсюду. Для миллионов людей нет другой, более приемлемой альтернативы.

Ну, а как насчет третьей стадии – определенного знания о Боге, очень редкого и очень непостоянного? Чтобы быть уверенным в существовании Бога, человеку нужно пройти через некий очень сильный трансформирующий опыт или чудесным образом вновь вернуть себе невинную душу ребенка. Но в жизни большинства людей эти факторы не бывают реша-

ющими. Людей, испытавших околосмертные переживания, не так уж много, – не говоря уже о том, что и сами эти переживания очень редки, – а потому они не обладают вескими доказательствами наличия «света в конце тоннеля», способными убедить скептиков. То, что изменило их жизнь, является чем-то сугубо личным, внутренним и субъективным. А что касается невинности ребенка, у нас есть все основания не принимать это в расчет. По мере того как мы взрослеем, каждый из нас под воздействием опыта и воспоминаний создает свое собственное «Я». По сути дела, нас поглощает только одна цель – расти, развиваться и двигаться вперед. Детская радость – наивное, несформированное состояние, и, как бы мы ни были счастливы в детстве, мы все равно жаждем постичь широкий мир достижений и прогресса. Творческих высот в истории человечества достигают лишь по-настоящему взрослые люди, а не инфантильные переростки.

Надеюсь, вы уже соотнесли себя с одним из этих трех состояний: неверием, верой и знанием. Впрочем, не будет ничего страшного и в том, если они в вашей жизни перемешаны в беспорядке и вы прошли через каждое из них. Согласно статистической кривой, напоминающей форму колокола, большинство из нас как раз обретается в ее средней, выпуклой части, то есть мы принадлежим к тому огромному большинству, которое верит в Бога. На концах же этой кривой обретается малочисленное меньшинство: слева – убежденные атеисты, а справа – глубоко верующие люди, которые считают Бога своим призванием и делом всей своей жизни. Но справедливости ради следует сказать, что большинству людей, утверждающих, что они верят в Бога, не ведомы ни чудо, ни уверенность. Обычно мы посвящаем наши дни всему, чему угодно, но только не Богу: заботам о семье, поискам любви, стремлению к успеху и достижению материального благосостояния на бесконечном конвейере потребления.

Текущая неразбериха не приносит ничего хорошего. Неверие сопряжено с внутренним страданием и ужасом перед бессмысленностью жизни. (Я не беру в расчет тех атеистов, которые утверждают, что они живут радостно в мире, подверженном случайностям, ибо просто им не верю. Они не просыпаются каждое утро со словами: «Как замечательно! Наступил еще один день, где все бессмысленно».) Состояние веры – тоже весьма шаткое прибежище: на протяжении веков, как свидетельствует история человечества, оно приводило лишь к косности, фанатизму и немыслимому насилию во имя Бога. Что же касается знания, то это вотчина святых, а они встречаются крайне редко.

И все же Бог, как тень, таится повсюду, во всех трех состояниях, либо как отрицательное божество (то, от которого вы спасаетесь, когда бросаете к чертям собачьим организованную религию), либо как положительное (высшая реальность, к которой вы стремитесь). Но таиться неизвестно где и быть размытым и невидимым – не то же самое, что быть действительно значимым, а уж тем более играть главенствующую роль в жизни. Если есть возможность вновь сделать Бога реальным, то, как мне кажется, никто не откажется попытаться сделать это.

Эта книга предлагает вам перейти от неверия к вере, а от нее к истинному знанию. Каждое из этих состояний – некая эволюционная стадия, и, исследуя одну, вы обнаружите, что следующая тоже доступна. Эволюция – это добровольное дело, когда оно касается внутреннего мира. Здесь вам предоставлена полная свобода выбора. Когда вы познаете во всех подробностях, что такое неверие, вы можете остаться на месте или двигаться навстречу вере. Когда вы познаете веру, вы можете сделать то же самое: или принять ее как свой духовный дом, или устремиться выше. В конце же пути вас ждет знание о Боге, которое не менее жизненно – и гораздо более реально, – чем первые две стадии. Постижение Бога – не мистическое знание; во всяком случае, не более мистическое, чем знание о том, что Земля вращается вокруг Солнца. В обоих случаях факт считается установленным, а как только факт установлен, все прежние сомнения и ошибочные убеждения естественным образом отпадают.

Бог – глагол, а не существительное

Заставить кого-то, особенно себя, насильно верить в Бога практически невозможно. Вера слабеет на наших глазах, а привычный образ Бога разрушается. Вместо того чтобы пытаться складывать осколки, необходимо осуществить коренный перелом. Разумность, личный опыт и мудрость, присущие многим культурам, уже сливаются воедино. Этот новый синтез подобен Богу 2.0, где человеческая эволюция совершает скачок в материях духа.

Бог 1.0 отражал человеческие потребности, многочисленные и разнообразные, и эти потребности вылились в персонификацию Бога. Потребности всегда стоят на первом месте. Поскольку такие потребности как защита и безопасность являются первоочередными, мы и спроецировали себе Бога в качестве небесного покровителя. А поскольку жизнь должна быть упорядочена, мы назначили Бога верховным законодателем. Переворачивая Книгу Бытия то так, то эдак, мы создали Бога по нашему образу. Он делал то, что хотели мы. Ниже приводятся семь стадий, которые мы учредили для такого Бога.

Бог 1.0 Создан по нашему образу.

Бог становится Отцом или Матерью. Он контролирует силы природы, принося удачу или неудачу. Люди живут, как дети, под защитой Бога. Его мысли неисповедимы; Он действует, подчиняясь капризам: то любит, то наказывает. Природа устроена логично и разумно, но при этом таит опасности.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы молитесь во спасение, если воспринимаете божество как символ власти, если верите в грех и искупление, если требуете чудес и видите руку Бога во всех, якобы случайных, несчастных случаях или напастях.

Бог становится законодателем. Он устанавливает правила и следует им. Благодаря этому будущее становится заранее известным: Бог вознаградит тех, кто законопослушен, и накажет тех, кто не слушается. На этом фундаменте люди могут построить благополучную жизнь и достичь материального успеха. Секрет такого успеха и благополучия – неустанный труд, угодный Богу, и законопослушное общество, отражающее законы природы. Хаос преодолен, преступность взнуздана. Природа существует не для того, чтобы ее бояться, а чтобы ее приручать.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы верите, что Он разумен, если Он хочет, чтобы вы добивались успеха, если вознаграждает усердный труд, если отделяет праведных от неправедных и если создал Вселенную, действующую в соответствии с законами и принципами.

Бог становится любовью, присутствующей в сердце каждого. Богомолец обращает свой взгляд внутрь себя. Связь и объединение с другими людьми перерастают в потребность, выходящую за рамки совместного выживания. Человечество – это община людей, объединенных верой. Бог хочет, чтобы мы построили «город на холме», идеальное общество. Природа существует для того, чтобы содействовать человеческому счастью.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы идеалист, если верите в человеческую природу и обычное человеческое общество и если не сомневаетесь в том, что Бог всепрощения любит вас. Прощение – это не то, что дает священник, а то, что ощущается внутри.

Бог перестает быть судией. Знать все – значит все прощать. Изъян в человеческой природе, который заставляет человека отделять хорошее от плохого, начинает сглаживаться. Растет терпимость. Мы начинаем сострадать грешникам, обидчикам, преступникам, ибо и Сам Бог сострадает нам. Потребность в немедленном воздаянии и наказании уже не так

настоятельна. Хорошее и плохое в жизни имеет множество оттенков, и у всего есть причины. Природа существует для того, чтобы демонстрировать нам всю полноту жизни в ее наиболее созидательной и наиболее разрушительной форме.

Именно таким предстает ваш Бог, если Он не судит, а понимает, если вы с симпатией относитесь к себе, поскольку так же поступает и Бог, если вы воспринимаете добро и зло как неизбежные аспекты творения, если Бог возвещает вам, что вас понимают.

Бог становится источником творчества. Любопытство – тот дар, которым Он одарил нас с рождения. Он по-прежнему остается непостижимым, но зато открывает перед нами одну тайну творения вслед за другой. Неведомое на другом краю Вселенной манит своей неизвестностью; оно – источник чудес. Бог не хочет, чтобы мы Ему поклонялись, Он хочет, чтобы мы развивались и эволюционировали. Наша роль – открывать и исследовать. Природа существует для того, чтобы ставить перед нами бесконечные загадки, которые только окрыляют ум, ибо открытиям несть числа.

Именно таким предстает ваш Бог, если ваша жизнь – сплошь исследование и творчество, если вы счастливы, сталкиваясь с чем-то неизведанным, если вы безоговорочно верите в то, что тайны природы, включая и человеческую природу, можно разгадать – нужно лишь неустанно задавать вопросы и не держаться за неизменную, заранее установленную истину.

Бог становится чистым чудом. После того как разум подошел к границам понимания, тайна не исчезает. Она постигаема, но постигли ее только мудрецы, святые и боговдохновенные люди. Они ощутили присутствие Бога, которое возвышает и одухотворяет обыденную жизнь. Материализм – иллюзия. Есть два пласта творения – видимый и невидимый. Чудеса становятся реальностью, когда все вокруг предстает как чудо. Чтобы достичь Бога, необходимо утвердиться в реальности невидимого. Природа – это маска Бога.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы взыскуете духовности. Вы хотите знать, что скрывается за маской материализма, хотите найти целебный источник, хотите чувствовать умиротворение и находиться в прямом контакте с божественной вездесущностью.

Бог становится Единым Неделимым. Это конечные преосуществление и завершение, ибо ваши поиски достигли цели. Везде и всюду вы ощущаете присутствие Бога. Последняя тень разобщения исчезла. Вам больше не нужно отделять святого от грешника, ибо Бог заполняет Собой всё. В этом состоянии вы не знаете истину – вы становитесь ею. Вселенная и все события, происходящие в ней, отражают единое сущностное Бытие, выступающее как чистое осознание, чистый разум и чистое творчество. Природа – это внешняя форма, в которую облекается сознание, когда оно развертывается во времени и пространстве.

Именно таким предстает ваш Бог, если вы чувствуете себя неразрывно связанным со своей душой и своим истоком. Ваше сознание расширилось настолько, что оно теперь объемлет космическую перспективу. Вы видите, что всё происходит в уме Бога. Священный экстаз великих мистиков, которые казались людьми избранными и одаренными свыше, теперь доступен и вам, ибо вы созрели духовно.

Бог, доводящий план до конца, Бог как Единое Целое отличен от других. Он – не проекция. Он знаменует Собой состояние абсолютной определенности и чуда, так что если вы достигнете этого состояния, то вам больше уже не надо ничего проецировать. Все потребности удовлетворены; путь завершен – в самой реальности.

Возможно, просматривая все эти этапы, вы не сумеете соотнести себя ни с одним из них. Это понятно: такое происходит, когда у вас в голове сплошная неразбериха, а не Бог. В этом случае ни одному Богу не под силу завоевать вашу преданность. Причина неразберихи – в вашем мозге, в том, как он осуществляет выбор. Когда вы сидите в ресторане и

решаете, заказать салат или смачный чизбургер, то в этот момент ваш выбор организуют разные отдельные группы нейронов в коре головного мозга. Одна группа ратует за то, чтобы заказать салат, другая – за то, чтобы заказать чизбургер. Улаживаете этот конфликт вы.

И в то же самое время каждая группа нейронов шлет химический сигнал, приказывающий подавить деятельность другой группы. Это явление, известное в науке как «кросс-ингибирование» (*cross-inhibition*), или «перекрестное торможение», активно изучают ученые, исследующие деятельность мозга. Исходная идея всем знакома: во время спортивных соревнований болельщики рьяно поддерживают одну команду и освистывают другую. В любом вооруженном конфликте солдатам говорят, что Бог на их стороне, а не на стороне противника. «Мы и они» – этот тип мышления, вероятно, глубоко укоренен в человеческом мозге. Он же ярко прослеживается и в сфере духовных сомнений: идея любящего Отца перекрещивается с идеей карающего Отца и противостоит ей. У каждой есть логическое обоснование, и каждая уничижает другую. Любящий отец должен равно любить всех своих детей, тем не менее, каждый богоизбранный народ страдает без видимой причины. Поступки Бога столь же сумасбродны, как и наши собственные, так что любой довод в пользу того, чтобы поклоняться одному Богу, наталкивается на конкурирующую версию – фактически на семь версий, сообразно семи стадиям.

Если Бог 1.0 – проекция, значит ли это, что Бог вообще не существует? Не вбиваем ли мы еще один гвоздь в гроб Господень? Не обязательно. Тот факт, что Докинз и компания отвергают Бога, еще не означает, что их взгляды бесспорны и верны. Попросите подростка, чтобы он описал своих родителей, и вы получите весьма недостоверное описание. В подростковом возрасте у человека очень размытое представление о том, каковы его родители. Здесь мешается детская потребность в любви, безопасности и защите со взрослыми потребностями, такими как независимость, уверенность в себе и индивидуальное самоутверждение. Когда эти две стороны сталкиваются, они взаимно тормозят или подавляют одна другую. Никто ведь серьезно не воспринимает критику, коей подросток подвергает своих родителей, и уж тем более на этом основании никто не собирается отменять институт семьи. Точно так же обстоит дело и с нашими путаными представлениями о Боге: мы слишком ненадежные свидетели, чтобы по нашим показаниям можно было бы судить о Его истинной природе, и наши сомнения вовсе не означают, что Богу следует отказать в праве на существование.

Новая версия: Бог 2.0

Каждая эпоха выдвигает своего бога, который оказывается полезен только какое-то ограниченное время (хотя это ограниченное время может растянуться на века). Наша эпоха в этом смысле весьма непритязательна, ибо мы выдвигаем самые минимальные требования к духу: мы хотим такого бога, которого мы могли бы запросто игнорировать.

Так как же нам возродить Бога? Понятное дело, я говорю о Боге на Западе. Другие разновидности Бога еще не готовы к возрождению или обновлению. Традиционный ислам ведет арьергардные бои, стремясь отчаянно защитить и сохранить Бога 1.0, настаивая на самой примитивной Его версии – на Боге, который защищает праведных от гибели; такой Бог не может быть никем иным, как только подателем жизни и смерти. Не говорю я и о Боге на Востоке: там бытует давняя традиция воспринимать Бога как Единое Целое. Это Бог 1.0 на седьмой стадии, заполняющий Своим присутствием все творение. У такого Бога нет места обитания: Он пребывает у самых истоков нашего сознания, которые можно отыскать, проделав долгий внутренний путь – путь к себе. Бог как Высшее «Я» есть высшее откровение. Огромное количество людей в Азии воспитано с верой в Высшее «Я» (в Индии его называют Атман), но они при этом не совершают никакого внутреннего путешествия. Как и на Западе, большинство людей на Востоке живут так, словно Бог – нечто необязательное, некий незыблемый каркас их культурного наследства, который имеет мало или совсем не имеет отношения к тому, как строится их практическая жизнь.

Чтобы иметь будущее, Бог должен исполнять обещания, данные от Его имени за всю историю человечества. Бог 2.0 – не проекция, а нечто противоположное ей: это сама реальность, из которой прорастает бытие. По мере преодоления внутреннего пути – пути к себе – повседневная жизнь расцвечивается божественными качествами, такими как любовь, прощение и сострадание. Они познаются внутри как реальность. Бог 2.0 делает нечто гораздо большее: Он служит связью между вами и бесконечным сознанием. Сегодня положение дел таково, что ощущение вездесущности Бога – явление редкое, едва намечаемое, ибо мы всецело фокусируемся на внешнем мире и материальных целях. Когда вы начнете процесс поиска Бога, внутренний мир раскроется сам. Ощущение присутствия Бога начнет становиться нормой, и не в форме зрелища, подобно желанному чуду, а в гораздо более глубокой форме трансформации.

Бог 2.0 Налаживает связь

Вы сцентрированы. Ум успокаивается, его самоосознание возрастает. Вами все реже овладевает чувство беспокойства и неудовлетворенности. Вас все чаще посещают моменты блаженства и внутреннего умиротворения. В жизни вы встречаете все меньше сопротивления. Вы чувствуете, что включены в широкую схему жизни и играете в ней определенную роль. Повседневная жизнь становится легче и проще. Стрессы, борьба, давление ощущаются гораздо меньше.

Высшее сознание становится реальностью. Вы цените радости простого бытия. Ваши желания исполняются, причем вы прилагаете для этого гораздо меньше усилий, чем прежде. В моменты духовного прозрения вы понимаете, зачем живете и какова ваша цель. Внешние отвлекающие факторы уже не так довлеют над вами. Вы чувствуете себя эмоционально связанным с теми, кого любите. Тревога и напряжение значительно ослабевают. Ваша жизнь наполняется ощущением правомерности и справедливости.

Вы сливаетесь со своим истоком. Бог раскрывается как чистое сознание, как ваша суть. Со временем эта суть будет излучаться на все творение. Внутри себя вы открываете свет жизни. Все прощены, все любимы. Ваше индивидуальное эго расширится настолько, что

станет космическим Эго. По мере того как просветление будет нарастать и углубляться, вы испытаете второе рождение. Отныне ваша эволюция станет путешествием в запредельность.

Раз уж мы говорим об истоке бытия, то в реальности вы уже неразрывно связаны с Богом. Но существуют различные состояния сознания, и в каждом из них реальность меняется. Если ваше осознание направлено вовне, сфокусировано на материальном мире со всеми его непредсказуемыми взлетами и падениями, вы не ощутите Бога. Внешний мир будет самодостаточным сам по себе. Но если вы будете устремлять свой взор за границы внешней видимости вещей, фокусируясь на высших ценностях, таких как любовь и понимание, ваша вера в Бога будет нести вам безопасность и утешение. Но Бог только тогда сделается понятным, реальным и полезным, когда вы трансформируете свое собственное осознание. До этого момента Бог будет пребывать в теневой реальности и будет практически бесполезен. И скептики правы, когда сомневаются в таком Боге. Их ошибка заключается лишь в том, что они не видят более лучшего Бога.

Короче говоря, Бог 2.0 – это процесс; это глагол, а не существительное. Как только вы начнете этот процесс, он затем будет формироваться сам. Но вы будете знать, что находитесь на верном пути, ибо каждый шаг будет сопровождаться пониманием, ясностью и расширенным опытом – они будут удостоверять, что высшее сознание суть реальность.

Когда количество сознания перейдет в качество, явится Бог. Вы узнаете об этом так же верно, как знаете о том, что у вас есть мысли, чувства и сильные ощущения. «*Это Бог*» овладеет вашим умом столь же легко, как «*Это роза*». Присутствие Бога станет ощутимым, как сердцебиение.

Три стадии осознания

Вот что вас ждет впереди. Мы должны уделить равную долю внимания всем трем стадиям, на которых прямо сейчас пребывают люди, поскольку неверие, вера и знание все служат некоей цели. Это опорные камни, служащие для перехода от состояния «Бога нет» через «Возможно, Бог есть» к состоянию «Бог во мне».

Неверие.

На этой стадии человек руководствуется рассудком и сомнениями. Позиция «Бога нет» воспринимается им как разумная. Она рождается из сомнений, ибо он сомневается и в Боге со всеми Его несуразностями, и в мифах, которыми окружает себя религия. Наука тоже вносит свою лепту, не доказывая и не опровергая существование Бога, но зато показывая, как следует выражать скепсис и задавать соответствующие вопросы. Неверие не есть отрицание; в нем наличествует также и позитивный атеизм, то есть атеизм такого рода, который приемлет Бога как потенциальную возможность, но при этом отвергает традицию, догму и веру без доказательств. Это неверие ведет к ментальной ясности. Оно побуждает нас расти и поступать как взрослые, говоря духовным языком, то есть не поддаваться той инерции, под влиянием которой мы столь легко и бездумно приемлем Бога в том виде, как Его нам подают на уроках слова Божьего в воскресной школе.

Представьте, что у вашего мозга есть нервные извилины, посвященные неверию. Эти извилины обрабатывают информацию о внешнем мире, которая поступает к вам от пяти органов чувств. Мозг верит в реальность объектов, которые он видит и осязает. И не верит ничему мистическому. Камни твердые, ножи острые, они осязаемы, но Бог-то неосязаем. С этой областью мозга, которая распространяет свою деятельность на различные участки тела, вас многое связывает. Такие примитивные инстинкты как голод, страх, гнев, половое влечение и самозащита бросают вас в объятия физического мира – здесь и сейчас. Жизнь требует удовлетворения желаний – здесь и сейчас, а не откладывания их на потом, после того как вы попадете в рай. В то же время неверие обостряет такие высшие функции мозга как рассудок и различение и заведует всем проектом (который не имеет определенного местоположения в мозге) развития сильного эго, того «я», которое невозможно надолго удовлетворить. Все эти нейтральные процессы работают против реальности Бога. И на что-то лучшее здесь претендовать не приходится. Жизнь – неумолимый, требовательный надсмотрщик, и Богу не удается сделать ее какой-то другой.

Вера.

Хотя современная жизнь, как эрозия, подтачивает всякую организованную религию, люди по-прежнему привержены вере. Согласно данным социологического опроса, 75 % американцев идентифицируют себя с организованной религией, какие бы сомнения ими при этом ни владели. Скептикам приверженность религии кажется слабостью, чем-то детским и несерьезным. В худшем случае это воспринимается как примитивная защита, с помощью которой человек, неспособный совладать с действительностью, как щитом, ограждает себя от нее. Но для процесса возрождения Бога вера незаменима. Она дает цель и мечту. Она показывает, куда вы направляетесь, еще задолго до вашего туда прибытия. (В этом смысле мне особенно по душе метафора, которую я когда-то услышал: «Вера – это как ощущение близости моря задолго до того, как вы его увидите».)

Вера может быть негативной. Нам всем известна опасность, которую представляют для общества верующие фанатики. От веры в обещание райского блаженства к тому, чтобы стать террористом-самоубийцей, всего один шаг. Но и от обычных верующих, не только фанати-

ков, вера требует уплаты соответствующей цены. «Хорошие» католики и «хорошие» иудеи гордятся тем, что отрекаются от себя. Вера питает глубокие консервативные импульсы, и если мы будем честны перед собой, то окажется, что все мы жаждем безопасности и надежного прибежища, которые, по традиции, обретают все верующие.

В функционирующем мозге вера заведует своими неврологическими схемами. Большая часть деятельности приходится на лимбическую систему, обиталище эмоций. Вера неотделима от любви к семье и привязанности к родителям, когда вы еще дети. Память пробуждает ностальгию по лучшим временам и местам, и вера нашептывает вам, что вы туда однажды попадете. Но и высшие функции мозга тоже не остаются без дела. Верующие, как свидетельствует история религии, постоянно подвергались гонениям. Чтобы подставить левую щеку, когда тебя ударили по правой, вместо того чтобы ударить в ответ, – такое невозможно без деятельности высших функций мозга, таких как сострадание, прощение и беспристрастность. Все мы знаем, каково это, когда внутри нас борются между собой желание простить и жажда отмщения; это классический пример кросс-ингибирования в нашем мозге.

Знание.

Единственный способ уладить этот внутренний конфликт – достичь состояния уверенности и определенности. Этот путь ведет от стадии «Я верю, что Бог существует» к стадии «Я знаю, что Бог существует». Вы можете вбивать скептицизм в головы детей с самого раннего возраста (есть даже сайт, посвященный тому, как «отвадить» детей от Бога); вы можете дурачить верующих и заставлять их поклоняться лжемессии. Но когда знание приходит изнутри, оно истинно. Вы знаете, что существуете; вы знаете, что разумны. Богу 2.0 не нужны никакие фонды и организации. Расширение сознания само по себе ведет к истинному духовному знанию.

Бог – это не комета Галлея: не нужно ждать, что Он появится на небе. Да и путь к Богу нельзя рассчитать заранее. К счастью, это и не нужно. Стоит только начать искать Бога, и этот поиск затем вершится сам собой. Бог – это вам не динозавр. Останков одного динозавра вполне достаточно, чтобы решить вопрос о том, бродили ли когда-то динозавры по поверхности Земли. Постижение же Бога требует немалого количества переживаний и откровений на протяжении жизни, замедленного богоявления, так сказать. Разумеется, вы будете испытывать временный подъем, вас будут осенять поразительные откровения и моменты, когда истина кажется удивительно ясной. И только немногие избранные бывают ослеплены пламенем Бога по дороге в Дамаск. Для них Бог является во вспышках пламени.

Но мозг нашептывает свое. Наша жизнь зависит от надежно действующих нервных схем, которые работают бесперебойно. Если вы сами научились играть на пианино или бить по мячу, ваше умение оказывается зависимым от целого ряда факторов, ибо вы задействовали специфические нервные схемы. Каждый опыт, каждое познание либо добавляет вам умения, либо убавляет его. Хотя вы этого и не сознаете, ваш мозг постоянно торит новые пути или создает одни схемы и отключает или разрушает другие. Поэтому на микроскопическом уровне, там, где нейрон сталкивается с нейроном, Богу необходимы Его собственные пути и схемы.

При замедленном богоявлении вы приучаете свой мозг понемногу адаптироваться к духовным переживаниям. Как гласит популярная присказка, каждый из нас может достичь небывалых высот мастерства в любом искусстве, будь то игра на скрипке, показ фокусов, развитие феноменальной памяти или любая другая цель, если мы посвятим ему десять тысяч часов жизни. Эта теория в основе своей достоверна, ибо уход с одних путей и строительство новых требует времени и повторов. Бог 2.0 – это нечто большее, чем процесс перестройки мозга, но, с другой стороны, пока ваш мозг не перестроится, познание Бога будет невозможно. Индийская пословица, заимствованная еще из ведической традиции, гласит: «Зна-

ние – не то, что вы усваиваете. Знание – то, чем вы становитесь». И если рассматривать это на уровне мозга, то это совершенно верно.

В процесс познания Бога вовлечена вся личность. Я призываю вас не верить тому, что вы слышали о Боге ранее, и одновременно призываю сохранять веру. Если Бог Един, вы ничего не должны упускать, включая и крайний скептицизм. Реальность – далеко не хрупкая субстанция. Если вы сомневаетесь в том, что роза – это роза, она от этого не завянет и не умрет. Поэтому единственная предпосылка на пути к Богу – принять возможность того, что Бог 2.0 может быть реальностью.

Какой-то человек однажды спросил знаменитого гуру: «Как мне стать вашим учеником? Должен ли я поклоняться вам? Должен ли принимать каждое ваше слово как истину?» Гуру ответил: «Ни то, ни другое. Просто открой свой ум и настрой его на возможность того, что все, что я говорю, может быть истинным».

Подавление любого внутреннего потенциала, включая и потенциал отыскания Бога, убивает сам потенциал. Семя оказывается мертвым еще до того, как прорастает. Обладать открытым умом – все равно что открыть затворенное окно. Свет будет вливаться в него сам собой.

Полагаю, вы понимаете, что мы говорим в данном случае не о моменте прихода к Христу.

Преобразование себя – нечто большее, чем развитие ребенка. Когда вам было четыре года и вы играли бумажными куклами и смотрели «Улицу Сезам», ваш мозг еще развивался; но со временем вы забросили кукол и начали читать книги. У вас в жизни не было ни одного момента, когда бы дорога разветвлялась и вам приходилось бы выбирать между четырьмя или пятью, между шестью или семью, и т. д. Вы были просто самими собой, пока эволюция на невидимом уровне напрягала все свои силы.

Процесс преобразования или трансформации себя действует точно так же. Вы остаетесь собой, пока глубоко внутри вас происходят невидимые изменения. Каждый человек – как растянувшаяся армия. Какие-то аспекты вашей личности рыщут впереди, а обозники тащатся сзади. Духовный путь – что-то вроде этого: сегодня вы буквально летите вперед, а завтра еле тащитесь или вовсе сбиваетесь в сторону. Неверие, вера и знание – у всех них свое слово и свой авторитет.

Но в конце концов, если вы не утратите самоосознания и не выбьетесь из русла этого процесса, вы добьетесь настоящего прогресса. Дней, когда вы будете чувствовать себя защищенными и в безопасности, будет все больше, а дней, когда вы будете чувствовать себя одинокими и потерянными, все меньше. Все чаще вас будут посещать мгновения блаженства и благодати. Внутреннее чувство безопасности станет основным чувством вашей души. «Я» подобно голограмме, где любая часть представляет целое. Процесс наработки опыта познания Бога мало-помалу стирает старую и создает новую голограмму. Когда этот процесс завершится, вы узрите новое целое. И это целое суть Бог.

Путь к Богу. Стадия I: Неверие

Докинз и его иллюзии

Неверие не является врожденным врагом веры. В наши времена неверие фактически служит разумной отправной точкой. И жалкой – конечной.

Самые злобные выпады против Бога могут быть использованы для очистки ума от ложных убеждений, верований и для прокладки пути к сильной вере. Именно поэтому Ричард Докинз, общепризнанный враг и противник Бога, становится Его молчаливым союзником.

Когда в 2006 году вышла книга Докинза «Бог как иллюзия», мгновенно ставшая бестселлером, воинствующий атеизм сразу же приобрел в ее лице основательную почву для полемики. Докинз не только отрицает Бога, он одновременно выказывает и презрение к духовности.

Он смеется над нашими стремлениями войти в контакт с высшей реальностью, беря за основу своих аргументов простейшее обоснование: мол, физический мир – это все, что есть. Он изображает религию как упадочную стадию, не имеющую никакой опоры в реальности.

Докинз сначала снискал себе известность как автор книг по генетике, а уже потом как автор резко обличающей религию книги «Бог как иллюзия». Нельзя отрицать силу этого сочинения, которое обвиняет религию в фанатизме в самых крайних его формах. В какой-то момент Докинз даже обращается к душевной песне Джона Леннона «Представь себе» («Imagine») и использует ее в своих целях.

» **Представьте – вместе с Джоном Ленноном – мир без религии. Представьте, что нет террористов-смертников, нет 9 сентября, нет 7 июля; нет крестовых походов, охоты на ведьм, «Порохового заговора», истребления индейцев, израильско-палестинских войн, сербо-хорватско-мусульманской резни, гонения на евреев как «убийц Христа», «волнений» в Северной Ирландии, «убийств во имя чести», изысканно одетых, с пышными шевелюрами телевизионных евангелистов, вымогающих у доверчивых людей их деньги («Бог хочет, чтобы вы давали, пока не оскудеет рука ваша»).**

По мере того как ужасные примеры множатся, самоуверенность Докинза растет. Он не оставляет надежды и не выказывает симпатии, он изливает свое презрение.

» **Представьте, что нет талибов, разбивающих античные статуи, нет публичных казней еретиков, которым отрубают головы, нет наказания женщин розгами за то, что они посмели обнажить частичку своего тела.**

Вы, наверное, думаете, что после всех этих литаний и длинного перечня ужасов толпа читателей тут же обратилась в атеизм, но это не так. Этот процесс как шел, так и идет. Упадок религии в Америке, так же как и в Западной Европе, начался в 1950-е годы и все еще продолжается. В век науки и повального скепсиса, под влиянием необузданных катастроф XX века, церковные скамьи продолжают стабильно пустовать. Но еще не было в истории такого массового признания неверия в стиле Докинза, неверия, которое не только не приемлет Бога, но и подвергает нападкам всякого, кто в Него верит. Почему же люди покинули религию, не покинув Бога? Этот наиважнейший вопрос Докинз оставляет без ответа.

То, что Докинз наносит религии сокрушительный удар, обстреливая ее из всех бортовых орудий, является знамением времени. Возможно, это самый удачный «крестовый» поход против религии начиная с 1966 года, когда журнал «Тайм» опубликовал статью, в названии которой красовался вопрос: «Умер ли Бог?» Брешь была проделана: люди осмелились задать вопрос, прежде немыслимый, и в течение последующих четырех десятилетий эта брешь становилась только шире. Теперь Докинз бросил туда бомбу. (За что журнал «Тайм» в 2007 году поместил на обложке его портрет.) Он назвал Бога Ветхого Завета «отталкивающим ролевым образом» и охарактеризовал Его в самых непривлекательных терминах: Иегова – «самый отталкивающий персонаж в этом вымысле: ревнивый, горделивый, жалкий, несправедливый, чуждый прощению и все контролирующий урод, мстительный, жаждущий крови, проводящий этнические зачистки ублюдок, женоненавистник, отвратительный, страдающий манией величия садомазохист, капризный, злобный, недоброжелательный хвастун». Мир без Бога, возглашает Докинз, был бы лучше во всех отношениях.

Это послание рассчитано на то, чтобы вызвать шок. Переходя от Бога к Новому Завету, Докинз пишет: «Исторических доказательств того, что Иисус заявлял права на какой-либо божественный статус, практически нет». А если бы такое доказательство когда-нибудь появилось, оно свидетельствовало бы только о том, что Иисус сумасшедший; в лучшем случае Его «приняли не за того и еще удостоили почестей». Единственный правдоподобный довод, который можно привести в пользу религии, говорит далее Докинз, – это то, что наши предки слушали сказки и, как «доверчивые дети», верили, что это правда. Подобное одурачивание, мол, годится для мозгов примитивного человека, но мы-то должны уже стать взрослыми. Если уж Докинз способен раз и навсегда убедить нас в том, что Бог – недостойный пережиток, который мы тянем за собой из веков суеверия, то у Библии нет абсолютно никаких шансов на успех.

Докинз гордится тем, что он махровый атеист, способный выкинуть фортель вроде того, что он выкинул во время визита Папы Бенедикта XVI в Великобританию осенью 2010 года. Это был первый официальный визит понтифика в эту страну, и в связи с ним велись бесконечные дискуссии по поводу многих спорных вопросов, таких, например, как позиция церкви относительно применения противозачаточных средств и неутихающий скандал по поводу сексуальных непотребств верховных священников. Участие Докинза в митинге протеста против Папы было более чем экстремистским. Никакое обвинение не произвело бы столь воспламеняющий эффект. Еще до этого он выступил с заявлением, что Папе необходимо предъявить ордер на арест и посадить его за решетку «за преступления против человечества». На митинге Докинз произнес зажигательную речь, где сравнил организацию Бенедикта с «Гитлер-югенд» 1930-х годов, не упомянув, впрочем, одного факта: несмотря на то что эта организация в те годы была широко востребована у немецкой молодежи, отец Бенедикта на деле выступал против Гитлера. Докинз обвинял церковь в том, что она поддерживала нацизм, называл Гитлера католиком (тот действительно родился в католической семье, но в юности перестал исповедовать какую-либо веру) и то и дело возвращался к обвинению, что Папа – «враг человечества».

Антикатолицизм в столь враждебной форме (редактор известной католической газеты назвал эти нападки «сумасшествием») никогда не был приемлем в цивилизованном обществе. Он лишь раздувает неприязнь, разногласия и предубеждение против религии. Но Докинз с момента выхода своей книги стал «всенародной» знаменитостью, и его престиж академика служил маскировкой для его позиции, которую сочли бы позорной для обычного гражданина и которая действительно опозорила, но не кого-нибудь, а самого Докинза. Он незаслуженно получил звание профессора-биолога Оксфордского университета. Да, в своей области Докинз, возможно, отличился: его работы по эволюции и генетике снискали ему славу умного толкователя науки его поколения, но его официальный оксфордский титул

никак не связан с конкретными разработками в специфической сфере научной экспертизы и не имеет ничего общего с научными изысканиями; он просто преподаватель, точнее – лектор, объясняющий сложные научные положения доступным языком.

Книга «Бог как иллюзия», говорит автор, рассчитана на специфическую целевую аудиторию: она предназначена всем сомневающимся, кто сохраняет приверженность религии родителей, но больше не верит в нее, и кого больше волнует то зло, которое вершилось и вершится во имя Божье. Массы людей хотят освободиться от ига религии, пишет он, но они «не понимают, что уход из религии – это их выбор». В сущности, девиз книги: «Я не знал, что могу». Докинз убежден, что он содействует прогрессу человеческого духа; самого себя он называет «борцом за свободу». Вот что он провозглашает на первой странице книги: «Если ты атеист, нечего за это извиняться. Напротив, этим надо гордиться, ибо ты стоишь на ногах прямо и зришь далекий горизонт».

Книга получила несколько весьма нелестных и резких отзывов за свою экстремистскую тактику; перечисление зверств, учиненных во имя религии, – лишь единичный пример. Религия – это нечто большее, чем акты террора, учиняемые фанатиками, но для Докинза это не аргумент: он открыто заявляет, что современную религию нужно предать анафеме наравне с фундаментализмом, отличающемся своей нетерпимостью (одна из глав книги носит название «Как “умеренность” в вере взращивает фанатизм»). Воинствующий атеизм уравнивает абсолютизм с уверенностью. Заклейменная как «само зло», вера в Бога делает святого таким же виновным и опасным, как Усама бен Ладен.

Толпы сомневающихся только того и ждут, чтобы послание «Бог – иллюзия, коей не существует» их наконец освободило. Но это все иллюзии самого Докинза. Факт остается фактом: людям совсем не по душе, когда на них наклеивают ярлык атеистов. Даже несмотря на то что посещение церквей остается рекордно низким, американцы прочно идентифицируют себя с церковью или религией того же сорта. Опрос американцев, проведенный в 2012 году Исследовательским центром Пью, выявил, что примерно 20 % из них считают себя атеистами или агностиками. Именно эта цифра пестрела в заголовках газет, что указывает на значительный рост этой категории по сравнению с таким же опросом пятилетней давности, который показал, что только 15 % американцев считали себя атеистами и агностиками.

Тактика убеждения

Есть веская причина не доверять Докинзу и не брать его в качестве надежного поводыря, ведущего к «далекому горизонту» лучшего мира. Тот, кто слеп и глух к духовной стороне человеческих существ, не может сказать ничего путного и о духовных ценностях. Тактика, используемая Докинзом в его книге, проста: чтобы сбить с толку оппозицию, выноси на обсуждение всякого рода фокусы-покусы. Основная цель подобных дебатов – не доискаться истины, а победить во что бы то ни стало. Но «скверна» Докинза не одурачила критиков. Даже те из них, кто отдал ему должное за искренность и непоколебимость его атеизма, спрашивали его, почему он столь резок и груб в приводимых аргументах. Базовую стратегию самой книги легко подытожить.

1. Придерживайся знакомых стереотипов.

Бог, с нападками на которого выступает Докинз, – это самое опрощенное из всех божеств. Он взят из наглядных пособий, украшающих стены воскресной школы: старик с белой бородой, сидящий на троне поверх облаков.

Почему это эффективно. Докинз делает ставку на простейший стереотип – не говоря уже о том, что это самый первый образ Бога, который усвоило большинство людей и к которому привязано их сознание. И это так, что правда, то правда. Ибо большинство людей при-

держивается тех моральных принципов, которые им привили в детстве. Поэтому, нападая на эти принципы, Докинз получает прекрасную возможность вызвать у людей чувство неуверенности и сомнения.

Контраргумент. Этот стереотип плох тем, что все его аспекты указывают на противоречивость и ошибочность в изображении Бога. Если Он бессмертен, то не может быть старым. Если Он наполняет Собой все творение, у Него не может быть никакого конкретного места во времени и пространстве, тем более трона. Рассматривать Бога как существо мужского пола противоречит многим религиям, в которых божества – женского пола. В других вероисповеданиях Бог понимается абстрактно; в исламе, например, запрещены изображения Бога. В буддизме изначально ничто не принимается на веру как истинное; Бог здесь познается индивидуально только в процессе духовного паломничества.

2. Обращайся с Богом как с человеком.

Докинз настаивает на том, что Бог – фикция, выдумка, но при этом возводит всяческие обвинения на этот вымышленный персонаж, как будто Бог – реальный человек. Он подвергает нападкам и критике такие чисто человеческие черты, как гнев, мстительность, ревность, предательство и т. д.

Почему это эффективно. Подход к Богу как к человеку – это то, что уже давно делает религия. Атеизм в этом смысле не нов; он, так сказать, заимствует эту идею из арсенала врага. После чего остается лишь приписать Богу все плохие качества человеческой природы (одновременно заявляя, что в Нем нет ничего хорошего).

Контраргумент. Есть веская причина создавать Бога по образу человека, поскольку мы прежде всего стремимся к выявлению того, что делает нас человеком. Персональный Бог существует во всех культурах; впрочем, там также существует и имперсональный Бог, которого Докинз полностью игнорирует. Бог не нуждается в том, чтобы Его сводили лишь до свойств или характеристик, которые мы видим у самих себя; Он может обладать ими, но при этом вмещает в Себя гораздо-гораздо больше. Бесконечную сущность нельзя определять какими-то конечными качествами.

3. Умаляй религию: пусть она выглядит примитивной.

Как я уже говорил выше, Докинз углубляется в историю и прослеживает происхождение Бога вплоть до самых примитивных истоков – так же, как это сделал его кумир, Чарльз Дарвин, проследивший происхождения видов от самих истоков. Согласно Докинзу, появление Бога восходит к тем временам, когда люди были как «доверчивые дети» – фраза, заимствованная из письма Дарвина. Теперь же, когда мы достаточно развиты, нам уже не нужно цепляться за свое суеверное прошлое.

Почему это эффективно. Дарвин! Это слово решает все. Теперь, когда эволюция ниспровергла Библию и стала всеопределяющим научным методом для понимания устройства и происхождения жизни, использование того же аргумента для дополнения идей вызывает доверие. Духовность можно изобразить как пережиток, подобный тому отделу нашего мозга, который мы унаследовали от древних пресмыкающихся и который заведует нашими самыми примитивными влечениями, вроде влечений к сексу или насилию, или, более того, подобный хвосту и жабрам, которые появляются у зародыша в материнском лоне и потом исчезают, замещаясь человеческим телом.

Контраргумент. Я уже говорил, что теорию эволюции можно использовать и для доказательства фактов, противоположных тем, которые приводит Докинз. Духовность сосредоточена в высшем отделе мозга в той же степени, что и рассудок. Мы достаточно развиты, чтобы суметь постичь Бога. Теология представляет собой прогрессивную форму мышления, а не примитивный атавизм. В сравнении с мышлением наших предков, современная рели-

гиозная мысль более сложна и последовательна. Неокортекс – сравнительно недавно образовавшаяся в процессе эволюции часть коры головного мозга – является вместилищем способности различения, любви, сострадания, прозрения и умственных способностей. Все эти качества задействованы в наших нынешних поисках Бога. И эти поиски взывают к нашей самой развитой природе.

4. Наделяй всякую религию наихудшими крайностями.

Докинз приводит в пример самые крайние проявления фанатизма и заявляет, что они-то и составляют основной стержень религиозной веры. Современный мир буквально стонет от фундаментализма и наносимого им вреда. Для нашего благополучия сегодня это главная опасность; если смотреть глубже, то расцвет разума и науки зависит от того, сумеем ли мы избавиться от фундаментализма, с которым соотносят и в котором обвиняют религию.

Почему это эффективно. Страх. Политика терроризма и войн, ведомых во имя Божье, вызывает у людей ощущение угрозы. Не будь этой угрозы, большинству людей и в голову бы не приходило утверждать, что религия привносит в человеческую природу худшие качества или, как заявляет сам Докинз, *только наихудшие*. Страх сам по себе – тоже здравый аргумент, который в более спокойные моменты жизни можно спокойно отмести так же, как заявление Докинза о том, что ответственность за фанатизм несет вся современная религия.

Контраргумент. Победите этот страх, и окажется, что не все верующие – фундаменталисты, и что нет оснований обвинять современную религию в фанатизме. Докинз ловко играет на нашей эмоциональной струнке, ибо мы живем в тревожные времена, и такая хитрая тактика себя полностью оправдывает. Пусть возьмут себе это на заметку те из вас, кто исследует проблему царящего повсюду страха в своих целях.

И еще несколько слов в заключение этого раздела. То, что я уделяю столько места и времени тактике Докинза, обусловлено, вероятно, тем, что в свое время, когда я учился в медицинской школе, я был страстным спорщиком, а потому хорошо знаю то искушение, которое владеет многими спорщиками: во что бы то ни стало положить на лопатки своего оппонента, прибегая с этой целью к разного рода хитростям и уловкам. В спорах побеждают психологически. И победитель обретает чувство силы и власти. Он добивается успеха у слушателей и убеждает их – или манипулирует ими, – постоянно взывая к их эмоциональной стороне и завоевывая их эмоционально, хотя главная его цель – завоевать их умы.

Бог без трюков

В спорах легко побеждать только на страницах книги, поскольку противная сторона здесь не имеет права голоса. Поэтому самыми полемичными обычно оказываются книги, не вызывающие никакого доверия. Вместо того чтобы честно представлять мнение противной стороны, полемист игнорирует, умаляет и неверно истолковывает ее слова. Докинз, возводя каркас своих доказательств, беззастенчиво пользуется теми же методами, не уделяя ни малейшего внимания тому обстоятельству, что духовный опыт – опыт универсальный. Он является атрибутом каждой эпохи, включая и нашу. Но Докинз, вместо того чтобы честно признать этот факт, призывает нас поверить, что такой сложный живой организм, как *гомо сапиенс,* каким-то образом инволюционировал назад, к своим истокам, как если бы кошка перестала рожать котят и начала вместо этого плодить амеб.

Что касается Бога, то современное мышление не настолько архаично, как та примитивная стадия, которую Докинз изображает в карикатурном виде. Современный иудаизм, например, не предписывает понимать Ветхий Завет буквально. На протяжении столетий ученые-талмудисты путем бесчисленных комментариев, бесконечных дискуссий с верующими и исследования всех возможностей, какие только можно извлечь из древнееврейской Биб-

лии, сумели облагородить иудейскую веру. Мистический иудаизм и «чудо-равви» наконец слились воедино. Вся эта закваска привела к тому, что иудаизм значительно эволюционировал по сравнению со своими начальными истоками.

Факт того, что каждая вера проходит свой путь эволюции, вполне очевиден. Два тысячелетия назад какой-нибудь неграмотный крестьянин, живший в Индии, был духовно закабален. Он вынужден был приспосабливаться к жесткой системе податей и платил местным жрецам-браминам за то, что те совершали ритуалы, смысла которых он не понимал и которых сам не мог совершить. Религия была сродни частной собственности, которой владела высшая каста. Если крестьянин желал собрать хороший урожай, если он хотел здорового ребенка или примерную жену, у него не было другого выбора, как приноравливаться к этой жесткой системе. Что касается вопросов и сомнений, которые у него могли возникнуть, то о них вообще не было речи.

Сегодня ситуация изменилась настолько, что точка зрения на эволюцию, которую отстаивает Докинз, кажется попросту смешной. Религия – это не западня, в которую заманивают древние суеверия. В западню ее превратили сами верующие, не смеющие сомневаться в догмах или непогрешимости священнослужителей. К сожалению, реакционные силы немало подгадили современному христианству: не нужно Докинза со всей его полемикой – и так понятно, что фундаментализм хочет вернуть нас в те времена, когда ортодоксальное послушание и «традиционные ценности», вероятно, делали жизнь намного проще. Но ведь великое множество верующих чурается реакционных тенденций и к ним не примыкает. Но и они тоже задают вопросы и сомневаются.

Священники, которые ими руководят и их направляют, ни в коей мере не представляют собой монолитную силу. Английский викарий – не аятолла. Современных священников часто одолевают те же сомнения, что и прихожан, и они озвучивают эти сомнения с кафедр. За пределами лагеря фундаменталистов непредубежденные богоискатели из числа верующих, по всей видимости, составляют огромное большинство; к их числу, в частности, относятся те, кто верит в Бога, но не посещает богослужения. (В статистике они известны как «невоцерковленные».) Причина, ведущая к стабильному упадку организованной религии на Западе, состоит в том, что очень многие богоискатели просто отошли от догм, священников, обрядов, ограниченной теологии и той доктрины, что Бога нужно принимать без всяких вопросов и сомнений и никакое вольномыслие здесь недопустимо. Книга «Бог как иллюзия» если и не умаляет современную веру, то игнорирует ее. Опять же это вопрос тактики. Пока Докинз может одной и той же кистью мазать дегтем всех верующих, его трюки ему удаются. Религиозное сознание должно быть виновно во всех грехах, чтобы нерелигиозное сознание могло наслаждаться всеми добродетелями.

На протяжении четверти века я встречал и продолжаю встречать богоискателей, которые хотят найти Бога прежде всего для самих себя, а это и есть истинная эволюция. Дарвиновская модель никогда не стоит в жизни на первом месте. Если только вы не запутались в метафорах, то должны знать, что борьба за пищу и брачные привилегии – а именно они в схеме Дарвина служат двумя основными инстинктами, отвечающими за выживание, – никоим образом не развивает ум. Млекопитающие как господствующая форма жизни появились после того, как вымерли динозавры. Религии не вытесняют друг друга подобным образом (и не вытеснят, как бы ни старались). Они сосуществуют между собой. Применять к религиям закон «Выживает сильнейший и наиболее приспособленный» не имеет никакого смысла. Разве молитва «Отче наш» более сильна и более приспособлена, чем еврейская пасхальная молитва? И даже в символической схеме этот закон тоже лишен смысла. Разве не абсурдно звучало бы заявление (а некоторые так и заявляют!) о том, что буддизм на лестнице эволюции на шаг впереди по сравнению с индуизмом? Каждая вера – и это неизбежно – стремится представить свою схему в наиболее выгодном свете – как наилучшую, а своего

Бога – как единственного. Но даже на арене, где фундаменталисты разжигают в себе страсть – фанатическую приверженность своему Богу, – эта тенденция более столетия оставалась экуменической. Вероисповедания и сами понимают, что им лучше держаться и идти вместе. Объединение вер – совсем не пустой идеал. Духовный опыт – тот общий корень, из которого произрастают все религиозные ответвления.

Любую из этих трещин, ошибок и ловких тактик нетрудно отследить. Но многие читатели, как мне кажется, не обратили на них внимания и дали книге «зеленый свет». Ведь она, как возвещает автор, защищает рационализм перед иррационализмом и поет дифирамбы светскому обществу, утверждая, что оно по всем показателям превосходит религиозное общество. Но я подозреваю, что главная причина здесь – психологического характера. Докинз убеждает обеспокоенных сомневающихся, что у них нет причин чувствовать себя виноватыми, сбитыми с толку, потерянными или одинокими. Они стоят на пороге нового мира, который и светлее, и лучше, чем тот, что может предложить духовность. Он, Докинз, предлагает атеизм – как утешение и благодать, каковой он, наверное, может стать, но лишь для очень немногих.

Но если возможность постижения Бога – тенденция отсталая и настолько себя изжившая, что любой рациональный ум должен априори ее отринуть, то почему, спрашивается, Эйнштейн посвятил так много времени тому, чтобы найти для Бога место в той новой Вселенной, пионером которой он является? Этот вопрос заслуживает всестороннего изучения, ибо резкий контраст между разумом и неразумием вопиет буквально с каждой страницы книги. Если уж этот величайший ум XX столетия не счел науку врагом религии, то он, вероятно, смотрел и видел гораздо глубже, чем Докинз. Так какому поводырю, указывающему путь в будущее, мы доверимся, в конце концов?

Духовность Эйнштейна

Эйнштейн не был обычным верующим, но в нем было столько сострадания к верующим, что он понимал: потеря веры может оказаться для них невосполнимой и опустошительной утратой, тем более если Бог был центром всей их жизни. Поначалу факты его биографии могли бы порадовать многих скептиков, которыми так изобилует XX век. Еще в юности Эйнштейн по логическим соображениям отринул иудаизм и вообще всю религию, не в силах принять за непогрешимую истину те события, о которых рассказывается в Ветхом Завете. Сотворение мира за семь дней, Бог, разговаривающий с Моисеем из горящего куста, Иаков, борющийся с ангелом, – многие евреи на рубеже веков не могли рассудочно принять мир древнего Иерусалима (позднее Эйнштейн скажет: «Идея личного Бога мне чужда и кажется наивной»). Выдержав кратковременную борьбу с иудаизмом и выйдя из нее победителем, Эйнштейн поднялся выше всякой ортодоксальной веры. Он мог бы двигаться по легкой траектории, намеченной Докинзом, используя науку в качестве оружия в борьбе с пережитками веры. В книге «Бог как иллюзия» есть небольшой раздел, посвященный Эйнштейну, где тот подается как «ученый-атеист». Разумеется, Эйнштейн не был мистиком. Но Докинз не принимает в расчет личный путь и персональное паломничество, а ведь они-то как раз и указывают, куда или в каком направлении стремится сегодня духовность.

Эйнштейна интересовала суть религии, ибо эта суть, по его мысли, была неподдельной и абсолютно подлинной. В недавно увидевшей свет биографии Эйнштейна, написанной Уолтером Айзексоном, приведен такой случай. В 1929 году на обеде в Берлине, где присутствовал Эйнштейн, разговор зашел об астрологии, которую все гости решительно осудили как пережиток прошлого и полный абсурд. Когда кто-то сказал, что Бог тоже подпадает под ту же категорию, хозяин попытался урезонить гостя, заметив, что даже Эйнштейн верит в

Бога. «Это невозможно!» – воскликнул гость. В ответ Эйнштейн привел одну из самых тонких и основательных причин для веры:

» **Попытайтесь постичь нашими ограниченными средствами тайны природы, и вы обнаружите, что за всеми видимыми законами и взаимосвязями остается что-то неуловимое, неосязаемое и необъяснимое. Благоговение перед этой силой, находящейся выше всего, что мы в состоянии понять, и есть моя религия. В этой мере я действительно религиозен.**

Этот комментарий предлагает множество возможностей. Он поддерживает ту идею, что современный человек в своих поисках Бога не должен цепляться за старый образ седого патриарха, сидящего над облаками на троне. Эйнштейн, естественно, за этим Богом не гнался. Он искал Бога, скрывающегося за завесой всех материальных явлений. И ключом в этих поисках был термин *субтильность*. Как и все ученые, Эйнштейн исследовал материальный мир, но, в отличие от них, он заприметил некий неуловимый, очень субтильный регион бытия. Заметьте: он не заявлял, что его религиозные убеждения зиждутся на вере. Нет, здесь было задействовано чувственное восприятие, а открытием ведал ум.

Эйнштейн сделал смелый шаг: он попытался понять, охватывает ли единая реальность обе движущие силы – веру в высшую реальность и стремление объяснить природу посредством законов и процессов, которые действуют независимо от духа. Время, пространство и гравитация не нуждаются в Боге, и все же без Бога Вселенная кажется беспорядочной и лишенной смысла. Эйнштейн объяснил эту дихотомию изречением, ставшим знаменитым: «Наука без религии хрома. Религия без науки слепа».

Еще одно из его знаменитых изречений касается сознания: «Религиозная наклонность таится в живущем в человеке смутном сознании того, что вся природа, включая и самих людей, – это не игра случайностей, а работа законов, что у всего бытия есть некая фундаментальная причина». Здесь главная мысль – об упорядоченности природы. Эйнштейн не мог поверить, что окружающая нас замысловатая красота возникла случайно. Он всю свою жизнь боролся против случайной Вселенной, объясняемой с позиции квантовой механики. Однако, даже не понимая того, что он имел в виду, общественность все же встала на его сторону, когда он сказал: «Как бы то ни было, я убежден, что Бог не играет в кости со Вселенной».

Что мне по душе в процитированном высказывании, так это проходящая фраза: «… вся природа, включая и самих людей». Отдельные ученые, в том числе и такие именитые скептики, как Докинз, делают ошибку, полагая, что люди стоят вне природы и смотрят на ее творения со стороны, как это делают дети, прижав свои носы к стеклянной витрине кондитерской. Они считают доказанной объективность того рода, что квантовая физика была упразднена почти столетие назад. Наблюдатель играет активную роль в том, что он наблюдает. Мы живем во Вселенной, которая является нашим соучастником.

За покровами чисто научной аргументации Эйнштейн прозрел двусмысленность ситуации, в которой находится человек. Наше «смутное сознание» чего-то, находящегося за пределами видимой Вселенной, ставит нас в странное положение. Чему мы должны верить – сознанию или объективным фактам? Сама наука родилась в «смутном сознании», если уж на то пошло. Вместо того чтобы принимать мир, состоящий из зримых и осязаемых предметов, сотканный из звуков, вкусов и запахов, научный ум проникает за видимость вещей. «Вероятно, там действуют невидимые законы, – думает он. – Возможно, и Божье творение подчиняется этим законам. Возможно, Он даже хочет, чтобы Его дети открыли эти законы как признание своего благоговения перед Творением».

Мы не должны забывать, что Коперник, Кеплер и Галилей вынуждены были в одиночку бороться с верой в эпоху, когда вера значила всё; они были людьми этой эпохи и одновременно пионерами новой. Религия определяла участие и место каждого человека во Вселенной. Первое правило гласило: над видимым миром один Бог. Требовалась внутренняя борьба, чтобы переключиться и сказать: над видимым миром одна математика, поскольку, когда вы совершенствуете математику, вы совершенствуете законы природы, которые действуют согласно математике. Это скользкий склон. Внезапно вам в голову начинают приходить странные мысли, которые раньше вам и не снились. Вероятно, Бог тоже подвластен этим законам, раз Он не может одолеть гравитацию. Или это все игра, и Бог только прикидывается беспомощным? Решив, что Вселенная будет управляться механически с заранее рассчитанной математической точностью, Он смог бы опрокинуть всю эту машину, если бы захотел.

Поиски, которые предпринял Эйнштейн, велись в большинстве своем в том же самом мире. Он не смог объяснить, что лежит за пределами времени и пространства, – математику времени и пространства он двинул так далеко, что дальше некуда, – но он не сделал грубой ошибки и не отверг свое «смутное сознание» высшей реальности как атавистическое суеверие. В то время эта двусмысленность доводила до отчаяния многих людей. Докинз прав, когда заявляет в своей книге, что и верующим и атеистам нравится и так, и эдак склонять противоречивые высказывания Эйнштейна о Боге. Все, чего они хотят, – чтобы этот величайший мыслитель человечества дал им определенные ответы.

Один известный раввин послал Эйнштейну сердитую телеграмму: «Вы верите в Бога? Остановитесь. Ответ оплачен. Пятьдесят слов». Эйнштейн ответил: «Я верю в Бога Спинозы, который открылся в законопослушной гармонии всего сущего, но не в Бога, который заботится о судьбе и делах человечества». Находясь под влиянием свободомыслящего голландского философа Спинозы, он пленился той возможностью, что материя и сознание образуют одну реальность и что Бог, этот Высший Разум, наполняет эту реальность. Он высоко ценил Спинозу как «первого философа, который рассматривал душу и тело как одну, а не две различных ипостаси».

В зрелые годы Эйнштейн отринул персонального Бога, поднявшись выше ограничений иудео-христианской традиции. Но не полностью. Когда ему было пятьдесят, один журналист, бравший у него интервью, спросил ученого, повлияло ли на него христианство, на что тот ответил: «Я еврей, но я восхищаюсь светлым образом Назарянина». Немало удивленный, журналист спросил Эйнштейна, верит ли он, что Христос действительно существовал. «Несомненно. Невозможно читать Евангелия, не ощущая реального присутствия Иисуса. Его личность лучится в каждом слове. Ни один миф не наполнен такой жизнью».

При этом сам Эйнштейн шел к духовности гораздо более светского характера, чем это предполагает данный комментарий. Не говоря этого вслух, он живо откликался на ту печальную статистку, согласно которой миллионы людей оказались жертвами Первой мировой войны и Великой депрессии – величайших бедствий, в которые вселюбящий Бог и не собирался вмешиваться. Взгляд Эйнштейна на Бога со временем менялся от более материального к более возвышенному: это был незримый Бог, имперсональная сущность, скрывавшаяся за маской материи. Что касается Вселенной, наделенной разумом, недоступным человеческому, то Эйнштейн весьма осторожно высказался в том роде, что подобная Вселенная «великолепно устроена и подчиняется определенным законам», которые люди пока что понимают весьма смутно. Он заявил, что не верит ни в бессмертие («Для меня достаточно и одной жизни»), ни в свободную волю, ибо законы, управляющие человеческой судьбой, так же жестки и неумолимы, как и законы физические.

Он так и не нашел того, что искал, – обоснованной нерелигиозной духовности. Во многих отношениях она и сегодня остается для нас только надеждой. Подобная духовность

глядит на бытие без предубеждений, позволяя Богу и разуму сосуществовать мирно, без борьбы. Как? Эта связь на уровне ума. Высшая цель, по признанию самого Эйнштейна, заключалась в том, чтобы понять Божий ум. Но для этого нужно сначала объяснить ум человеческий. В конце концов, наш ум – это фильтр, через который мы воспринимаем реальность, и если этот фильтр поврежден или неверно понят, у нас нет никакой возможности постичь ум Бога. Или мы мыслим, как Он, или Он мыслит, как мы. Если неверно ни то, ни другое, связи между нами быть не может.

Как поводырь в стране религии и науки Эйнштейн превзошел Докинза во всех отношениях. Без тени высокомерия Эйнштейн писал: «Что отличает меня от большинства так называемых атеистов, так это чувство невероятного восхищения непостижимыми тайнами гармонии космоса». (В своей книге «Бог как иллюзия» Докинз ничего не говорит о духовном пути, пройденном Эйнштейном, вероятно, чтобы не нарушить правило довольно свободного и прихотливого подхода к истине.) Для меня наиболее привлекательной чертой Эйнштейна служит его восхищение тем уровнем творения, которое для нас недостижимо. Это то незримое место, где начинается чудо. В его символе веры от 1930 года «Во что я верю» мы находим такое высказывание: «Чувствовать, что за пределами того, что может быть познано, существует нечто, чего наш ум не в состоянии постичь и чьи красота и одухотворенность касаются нас лишь опосредованно, – это и есть религиозность». Высказывания, подобные этому, открывают путь широкому, непредвзятому взгляду на духовный поиск. В этом смысле Эйнштейн стоит гораздо выше упрямых научных скептиков, которые просто отбрасывают за ненадобностью персонального Бога, оставляя на Его месте стерильную пустоту.

Ответ воинствующему атеизму

Ричард Докинз, поддерживающий идею атеизма как прогресса, в своих усилиях не одинок: ему вторят и другие известные голоса. Речь в данном случае идет о трех писателях, авторах бестселлеров: это философ Дэниел Деннет, полемист Кристофер Хитченс и «молниеотвод» антихристианства Сэм Харрис, бывший нейрохирург, человек, достаточно долго изучавший буддизм. Книги, которые они пишут, – это очевидные и намеренные провокации, и я поражаюсь тому, насколько мелки и поверхностны доводы, выдвигаемые ими против Бога. Они радостно извращают христианство и даже не испытывают угрызений совести за то, что используют нечестную тактику. Хитченс, например, отбрасывает духовные свидетельства как никуда не годные, даже не удосужившись, так сказать, предоставить им слово.

» **Любая достойная научная дискуссия, по моему мнению, должна начинаться с исключения людей, заявляющих, что они знают больше того, что знают. Начните со слов: «Конечно же, начинать с этого не совсем правильно. Ну, а теперь не продолжить ли нам?», – и теизм будет уложен наповал в первом же раунде. Он будет сброшен со счетов, выброшен со сцены.**

Лично я не могу представить лучшую формулу интеллектуальной нечестности. Глашатаи воинствующего атеизма не желают признавать своего узкоограниченного видения; вместо этого они веселятся и бражничают. Так поступают все идеологи. Это ведет к тому, что они начинают бросаться безрассудными, ложными заявлениями. Вот лишь несколько примеров таких заявлений, заимствованных мною из записей их бесед.

Харрис: «*Каждый верующий человек встречает со стороны людей с иным вероисповеданием такую же критику, какую высказываем мы, атеисты. Они не принимают псевдочудес… и видят, что люди иной веры просто их оболванивают, играя на доверии*».

Хитченс: *Религиозным людям «по душе та идея, что [Бога] невозможно показать, ибо тогда было бы не во что верить. Если бы каждый видел вознесение и мы все знали бы, что спасемся через это, тогда бы мы жили с неменяющейся системой убеждений – и она должна была бы контролироваться*».

Вновь **Харрис:** «*Если бы не магия Библии, христианство бы исчезло. Если бы не магия Корана, ислам бы исчез. Но если вы посмотрите на эти книги, то… есть ли там хоть одно предложение, которое не мог бы сказать любой человек, для которого тачка – образец новейшей технологии?*»

Неприкрытое предубеждение сквозит буквально повсюду; и тем не менее даже в наш скептический век воинствующий атеизм снискал изрядную долю уважения в среде интеллектуалов. Деннет, который утверждает, что все мы «зомби», механически подчиняющиеся диктату нашего мозга, удостоился всеобщего признания за то, что развенчал такие «затасканные» понятия, как душа и личное «я». Провокационная книга Хитченса «господь не велик» (использование строчного «г» в названии и по всему тексту – выбор самого автора) была в числе книг-финалистов, выдвинутых на соискание Национальной книжной премии. В 2011 году, в последние дни жизни, уже умирая от рака пищевода – печальный результат пагубных страстей, пьянства и курения, которым он предавался всю свою жизнь, – Хитченс написал открытое письмо участникам ежегодного съезда американских атеистов.

Вот несколько отрывков из этого послания, резкого в своем отрицании всяких утешительных бесед на ложе смерти:

» **Все ближе узнавая своего врага [смерть], я обнаружил, что все разговоры и увещевания о спасении, искуплении и сверхъестественном освобождении кажутся теперь даже более пустыми и несерьезными… нежели они казались раньше.**

Я нашел куда более лучшее помещение для своей веры, которую я вложил в две вещи, а именно: в мастерство и принципы прогрессивной медицинской науки и в товарищеское содружество многочисленных друзей и членов семьи, которые все поголовно невосприимчивы к ложным утешениям религии.

Именно эти две силы, среди прочих других, ускорят приход того дня, когда человечество освободится от выкованных разумом оков религиозного раболепия и суеверия.

«Суеверие», «ложное утешение», «выкованные разумом оковы религиозного раболепия», «выставляемая на посмешище псевдонаука» и «льстивые речи» организованной религии – эти ключевые термины, используемые Хитченсом в его письме, осуждающем старое, дискредитировавшее себя мировоззрение, весьма характерны для риторики воинствующего атеизма. Против этих враждебных сил он собирает под свои знамена импульсы добра (которое всегда на его стороне), облекая их в такие термины как приличие, скептицизм, «наша внутренняя солидарность», смелость, «искреннее неприятие всякой коварной чепухи» и т. д.

Риторика – это всего лишь риторика, хотя нашлись и такие (их, правда, немного), кто серьезно поверил в то, что атеисты – образцы благопристойности и нравственности, а все верующие подобострастны и суеверны. Человеческую природу не так-то просто поделить на части и навесить бирки. Но глубочайшая ошибка – даже не теория, а практика, цель которой – поставить разум по одну сторону, а веру в Бога – по другую. Проблема не в том, кто с одной стороны покупается на Бога, а с другой – на разумное человеческое существо. (Это заведомо ложная логика, вроде той, что содержится в известном изречении: «Одни люди вегетарианцы, а другие думают, что коровы бурые».) Разум и вера – не враги. Одни ученые посещают церковь (по некоторым оценкам, даже чаще, чем обычная паства), а другие нет. Исаак Ньютон был убежденный христианин, как в наши дни Фрэнсис Колхаун, физик и генетик, возглавлявший проект по исследованию генома человека до того, как он занял нынешний пост главы Объединенных национальных институтов здравоохранения.

На эмоциональном уровне меня больше всего беспокоит безобразное поведение некоторых, скажем так, ученых, стремящихся растоптать эти нежные ростки персональной духовности. Я по опыту знаю, что люди, покинувшие надежный кров традиционной веры, обычно чувствуют себя неуверенно. Их духовные стремления зыбки и не сформированы. Они безоружны против аргументации воинствующих атеистов. Докинз, Хитченс, Харрис и Деннет – профессиональные писатели и мыслители, в совершенстве владеющие искусством убеждения. Они без стыда манипулируют бесчисленными доводами только ради того, чтобы победить или продемонстрировать свое презрительное отношение к оппонентам. Короче говоря, Докинз и его когорта ставят без разбору на всех, кто произносит слово «Бог», клеймо грубого религиозного фанатизма. Но и у атеизма немало оттенков. Еще раз повторю то, с чего начал: согласно данным опроса, проведенного Исследовательским центром Пью в 2008 году, 21 % американцев, считающих себя атеистами, верят в Бога или в Универсальный Разум. Согласно тем же данным, 12 % атеистов верят в рай, а 10 % молятся хотя бы раз в неделю.

Ну, а как быть с заявлением, что мы в большей мере наслаждались бы жизнью, если бы отказались от абсурдной идеи, что Бог существует? Американский писатель ирландского происхождения Т.К. Бойль в интервью газете «Нью-Йорк таймс» сделал такое меланхоличное замечание по этому поводу (во время разговора всплыла тема смерти – романы Бойля всячески муссируют эту тему – и его многоговорящий ответ затрагивает самую суть того, как ощущается утрата иллюзий и разочарование):

» **У предыдущих поколений была цель, вы должны были умереть, но был Бог, и литература и культура оставались. Теперь, разумеется, Бога нет, наш вид в ближайшее время обречен на вымирание, поэтому нет и цели. Мы взрослеем, обзаводимся семьями, открываем банковские счета, ремонтируем зубы и все такое прочее. Но в действительности у нас нет конечной цели, кроме как оставаться в живых.**

Для многих эта утрата иллюзий ощущается весьма реально, никто не назовет ее радостным состоянием сознания. Если уж на то пошло, отбросьте это затасканное слово «Бог» со всеми его коннотациями и замените ее синонимом, тем, что ищет богоискатель, будь то внутренний мир, духовное свершение, душа, высшее сознание, запредельность. Стереть их с лица земли – это не даст нам ключ к счастливому существованию. Скорее, это будет похоже на прелюдию ада на земле. Счастье, которое вы обретете (*если* обретете), когда откажетесь от своих духовных устремлений, будет пустым и бесплодным.

Все это нетрудно увидеть. Но с этим трудно считаться, ибо воинствующий атеизм, какой он ни есть, все-таки ставит правильный диагноз, хотя и предлагает не то лекарство. Нужное лекарство – это духовное возрождение. Мы по сути своей духовные существа. Наша роль в творении не в том, чтобы быть разумными, хотя мы и гордимся этим, а в том, чтобы стремиться к достижению высшего. Воинствующий атеизм стремится стереть и затоптать это драгоценное свойство. Он стремится трагедию несостоявшегося Бога заменить трагедией отсутствия души. Наука и данные, которая она собирает, не содержат в себе ни чуда, ни благоговейного трепета, ни тайны. Радость бытия не имеет реальности кроме той, которая внутри нас, – мы можем добавить к ней чудо или можем отбросить его прочь.

Мир, перевернутый с ног на голову

За век до того, как вышла в свет книга «Бог как иллюзия» (2006), ситуация в мире была совершенно иной: можно сказать, она являла зеркальную противоположность нынешней. Вера не подвергалась видимым нападкам со стороны, если не считать немногих интеллектуальных кружков (таких, как революционеры-марксисты, читатели Дарвина и последователи Фрейда). В 1906 году исполнилось пять лет, как умерла королева Виктория, но викторианская поэзия все еще была жива. И где бы ни царил мир (а он тогда царил почти на всей земле), за это благодарили Бога. Благодаря христианской цивилизации на огромных просторах земли утвердились благосостояние и благополучие, а вера в любящего, милостивого Бога, по образу Коего мы были созданы, превалировала повсеместно. Выступая от имени идеализма своего века, Рабиндранат Тагор вдохновенно писал: «Любовь – единственная реальность, а не просто чувство. Это конечная истина, лежащая в сердце творения».

Крах разразился с удручающей быстротой. И вовсе не наука стала виновницей падения Бога. Еще за десятилетия до этого дарвиновская теория эволюции затмила историю творения, как ее излагает Книга Бытия, и утвердилась повсеместно как единственное научное объяснение возникновения жизни на Земле. (По иронии судьбы еще один творец теории эволюции, Альфред Рассел Уоллес, который, как известно открыл ее одновременно с Дарвином, был спиритуалистом.) Но чтобы уничтожить веру, цивилизация должна была сойти с ума. Сэр Эдвард Грей, ныне забытый британский государственный деятель, в 1914 году, когда разразилась «война, которая положит конец всем войнам», изрек одно из самых страшных пророчеств века: «Светильники гаснут по всей Европе. Мы больше не увидим их зажженными в наше время».

Это пророческое высказывание, как оказалось, стало прозрачным предвидением будущего. Начавшийся с ужасов окопной войны в Первую мировую и достигший кульминации

во время железного правления Мао, во время которого были убиты 70 миллионов китайцев, XX век довел массовое уничтожение людей до масштабов, невиданных и неслыханных ранее. По самых скромным подсчетам, в кровавых беспорядках прошлого века погибли 100 миллионов людей, если брать в расчет многочисленные жертвы в Китае (почти все они были крестьянами, умершими голодной смертью во времена страшного голода, который охватил Китай в первые годы правления коммунистов) и устрашающее число погибших в двух мировых войнах, плюс Холокост и революционные чистки, приведшие к массовым расстрелам людей в России, Китае, Камбодже и Боснии.

Если Бог допустил это массовое истребление, если Он равнодушен к страданиям и смерти миллионов верующих людей, то заслуживает ли Он того, чтобы Ему поклонялись? Мне вспоминается притча «Те, кто уходит из Омеласа», написанная известной американской писательницей-фантастом Урсулой Ле Гуин. Городок Омелас – это утопия, скрывающая тайну. Жители этого городка купили счастье и уют ценой жизни одного ребенка, грязного и униженного, которого они прячут во тьме.

Все об этом знают, ибо тайна сообщается каждому, когда он достигает соответствующего возраста. Большинство людей чувствуют себя неуютно, но со временем они свыкаются с этой мыслью, с тем, что их благополучие покупается ценой пытки невинного создания. Только немногие уходят из города, молча и не оглядываясь назад. Никто не знает, куда они идут, и читатель тоже остается в неведении; сказано лишь, что где-то есть место, еще более утопическое, чем Омелас. Эта притча – о совести, о том, что она значит в жизни человека.

Эту притчу мы можем с легкостью применить и к жизни. Взять какого-нибудь тренера, чья команда с триумфом побеждает каждый сезон и которого все обожают, но который втайне от всех растлевает малых детей. Менее шокирующая, но более распространенная ситуация – заботливый муж, который обеспечивает семью всем необходимым, но время от времени избивает свою жену. Докинз предъявляет религии те же моральные претензии. Ибо в моральном отношении он считает себя стоящим гораздо выше, чем набожный человек, который закрывает глаза на недостатки Бога. Но с точки зрения Докинза, если такой человек по-прежнему продолжает ходить в церковь, делая вид, будто Бог и в самом деле всемилостивый и вселюбящий, то ему нет извинения.

Неприятие несовершенного Бога морально оправдано. Но перед лицом массовых ужасов необходимо возродить любящего Бога. И для этого вовсе не нужно находить оправдания или закрывать глаза. Все, что требуется, – это пройти своим путем. Отыскание правды – нелегкий путь, уж будьте уверены, но он ведет к чистой совести. Америка как общество бросает за решетку столько преступников, сколько считает необходимым, вместо того чтобы заниматься их реабилитацией. Реабилитация Бога – дело куда более трудное; в сущности, здесь налицо явное противоречие. Если Богу известно все, то Он все время должен знать, что делает. Если же то, что Он делает, есть зло, то Он не может быть Богом, который есть квинтэссенция доброты. Что и говорить, перед нами стоит прямо-таки непосильная задача.

Кристофер Хитчинс умер от рака в 2011 году, за десять дней до Рождества. Ему было шестьдесят два года. То жизненное мужество, которое он продемонстрировал в «том долгом споре, который я веду с призраком смерти», заслуживает добрых слов и трогает душу. Таких же добрых слов заслуживает и духовно ищущий человек, так что и тот, и другой сходятся в одной точке. Духовность тоже экзистенциальна. Вопросы, которые она перед нами ставит, – это: кто мы такие, почему мы здесь и каковы величайшие ценности, по которым человек должен сверять свою жизнь.

Ошибка, которую совершают атеисты, состоит в том, что все моральные добродетели они присваивают только себе, заявляя, что лишь неверующие владеют истиной. Истина открывается в процессе поиска, и каждого, кто презирает этот процесс, нужно разбудить еще до того, как он примется заявлять, что все другие, кроме него, крепко спят. Отвечая на

вопросы анкеты в ходе статистического опроса, люди почти единодушно выражают веру в Бога. Но семя неверия все еще сидит в их душах. Чтобы начать процесс «перезагрузки» Бога, каждый из нас должен увидеть себя в зеркале собственного неверия. Казалось бы, перспектива пугающая и даже расхолаживающая? Но это не так. Когда вы избавитесь от всех иллюзий, в которые верите, останется только истина, а конечная истина – это Бог.

Как доказать, существует ли утконос

Существование Бога трудно доказать, но так же трудно доказать и существование такого фантастического существа, как утконос. Если бы он не существовал в жизни, никто бы не смог поверить в реальность этого неправдоподобного существа. У него перепончатые ноги, а клюв как у утки. Самец задними лапами может наносить болезненный удар. Самка не рождает живых детенышей, как прочие млекопитающие, а откладывает яйца, как это делают пресмыкающиеся или птицы. Давайте предположим, что вы обратились к математику с просьбой рассчитать, какова вероятность того, что подобное создание существует. С учетом достаточно надежных и опробованных переменных величин, он бы выдал вам статистическую вероятность реальности такого существа, и она оказалась бы очень низкой. Это подобное птице, ящерообразное млекопитающее не укладывается ни в какие рамки. Но погодите! Стоит только утконосу выбраться из норы, расположенной где-нибудь на берегу водного потока в австралийской глубинке, – и все рамки летят к чертям собачьим! (Утконос – ночное существо, к тому же очень робкое.)

Будьте поосторожнее с аргументацией, основанной на вероятности. В молодости Эйнштейн работал служащим в швейцарском патентном бюро. Каковы шансы на то, что современный служащий, работающий в том же бюро, окажется вторым Эйнштейном? Предполагать подобное, с точки зрения здравого смысла, – полный абсурд (как и абсурд предполагать, что глухой человек станет вторым Бетховеном). И даже если взять вполне разумное в данном случае соотношение (десять миллионов к одному), вам не просчитать вероятность появления второго Эйнштейна. Точно так же, если вы захотите сесть на первый попавшийся автобус, вы не сможете вычислить вероятность того, что он доставит вас именно туда, куда вам нужно. Для этого необходимо взять расписание и найти нужный маршрут. Чем больше неправильных вопросов, тем больше неправильных ответов.

В своей книге «Бог как иллюзия» невероятность существования Бога Докинз делает главной опорой своего отрицания Бога. Это классический пример того, как правильно задавать неправильный вопрос. Приводимые им аргументы можно найти в главе «Почему почти наверняка Бога нет», которая претендует на объективность. На шкале от 1 до 7, где 1 означает уверенность в том, что Бог существует, а 7 – уверенность в том, что Он не существует, Докинз выбирает цифру 6. «Я не знаю наверняка, – пишет он, – но думаю, что существование Бога относится к категории невероятия, поэтому я живу своей жизнью, исходя из того предположения, что Он не существует».

Почему шансы на существование Бога должны просчитываться, как просчитываются шансы на победу рысака на лошадиных бегах? Если вы обнаружили утконоса, вам не нужно обращаться к статистику с просьбой просчитать вероятность его существования, и то же самое верно и в применении к Богу. На протяжении более чем трехтысячелетней истории люди напрямую постигали Бога через откровения и высшие духовные переживания. Апостол Павел принадлежал к поколению верующих, переживших распятие Христа, и он писал в своем послании, что более пяти сотен обращенных видели вознесенного Христа. Мухаммед поднялся в пещеру над Меккой, чтобы найти там покой и умиротворение, но узрел архангела Гавриила, который повелел: «Говори!» И Мухаммед тут же начал декламировать стихи из Корана. История религии полна прозрений, откровений, видений, чудес и мистерий. Раз такое явление как духовность универсально, то прямой опыт постижения Бога что-то да значит. Ну, а скептики могут опираться на более веские, общеизвестные факторы, такие, например, как опрос общественного мнения. То обстоятельство, что от 80 до 90 % американцев верят в Бога, – само по себе слабое доказательство, если только вы сами не опрашиваете каждого респондента, спрашивая его, почему он верит.

Может быть, Бог (как и утконос) невидим, но ведь невидима и музыка. Мы верим своему опыту восприятия музыки, а что, если вдруг явится скептик, который глух на оба уха? Как вы докажете ему, что музыка существует? Вы можете взять его с собой на концерт и привести в концертный зал, где собрались сотни людей, чтобы послушать музыку. Если это его не убедит, у вас есть много других возможностей для убеждения: консерватории, фабрики по производству музыкальных инструментов и т. д. В определенный момент, даже если глухой скептик совершенно неспособен установить, реальна музыка или нет, убедительным доводом может стать обширный опыт других людей – если только скептик его решительно не отметет.

Докинз именно так и поступает: он решительно отметает знание о существовании Бога; поэтому непосредственный духовный опыт других людей не имеет для него никакого значения. Все обмануты и одурачены. В конце книги приводится подробный перечень имен, где указаны и те, которых не встретишь в самой книге: Будда, Лао-Цзы, Зороастр, Сократ, Платон, Франциск Ассизский и евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Докинз одним движением руки отбрасывает прочь весь духовный опыт прошлого. Он не упоминает даже Конфуция, и единственная ссылка на конфуцианство дается в паре с буддизмом, ибо, с точки зрения Докинза, ни то, ни другое течение не является духовным по своей природе:

» **Другие религии, такие как буддизм и конфуцианство, меня не волнуют вовсе. В самом деле в них есть нечто, что позволяет трактовать их не как религиозные, а как этические системы или философии жизни.**

Для многих поколений буддийских священников и тибетских лам такое заявление окажется настоящей неожиданностью. Но Докинзу этого мало. Он из тех писателей, которые хотят убедить читателя в том, что иудаизм был «изначально племенным культом жестокого, отталкивающего Бога, не в меру одержимого сексуальными ограничениями, наслаждающегося запахом обугленной плоти» и т. д. Он даже не принимает в расчет то обстоятельство, что эти утрированные измышления подрывают доверие к нему как объективному ученому.

В наши дни проводится множество научных исследований, чья цель – подтвердить достоверность духовного опыта и сверхъестественных явлений. Но Докинз уделяет мало внимания беспристрастным научным исследованиям и их результатам и совсем не уделяет внимания взвешиванию всех «за» и «против», приводимых участниками дебатов по таким вопросам, как реинкарнация, околосмертные переживания и эффективность молитвы. Начиная с 1960-х годов, например, психиатр Иен Стивенсон на базе психологического факультета университета Вирджинии долгое время занимался изучением детей, помнивших свои прошлые воплощения. Обычно это случается в возрасте от двух до семи лет, а потом память о прошлом быстро стирается. За более чем четыре десятилетия были собраны и обследованы более двух тысяч пятисот случаев. Дети делились своими воспоминания о том, где они жили, о своих друзьях и родных, о подробностях своей смерти. Многие, особенно дети из Японии и Соединенных Штатов, вспоминали о том, что пали в сражениях Второй мировой войны. Один маленький мальчик пришел в сильное возбуждение при виде кадров кинохроники, запечатлевших сражение истребителей над Тихим океаном, и когда один из них был сбит и резко пошел вниз, он вскочил и, указывая на экран, закричал: «Это был я!» Родители отыскали летчиков, оставшихся в живых после того сражения, и они подробно описали пилота, которым, по мнению мальчика, он тогда был. Он правильно указал все подробности того боя и даже назвал несколько имен своих товарищей.

Будучи родом из Индии, я хорошо знаю такие случаи; они широко известны и вполне достоверны. Детей проверяли, привозя в те деревни, где, по их словам, они раньше жили, и в большинстве случаев их воспоминания (они называли улицы, дома и имена разных людей)

оказывались верными. Стивенсон занимался как раз исследованием подобных необычных историй, и команда ученых-исследователей, продолжающих его работу, к настоящему моменту собрала сотни достоверных случаев подобного рода со всех концов света. Самые поразительные примеры – это, вероятно, те, когда ребенок рождается с родимыми пятнами на местах, где у него на теле были раны (например, родинка на груди в том месте, где вошла пуля); они позволяют точно установить, как именно произошла смерть в прошлом воплощении.

Независимые исследователи, работая с данными, собранными Стивенсоном, пришли к выводу, что «в отношении случаев реинкарнации он кропотливо и не вдаваясь в эмоции собрал целый ряд детально описанных доказательных случаев… которые трудно объяснить любыми другими причинами». Этот столь необычный предмет исследования до сих пор держится под тщательным научным наблюдением маститых ученых. То же самое справедливо и в отношении всех других феноменов, которые скептики типа Докинза не исследуют, а предпочитают подвергать осмеянию. Любые явления, которые вы не понимаете, заслуживают, по меньшей мере, хотя бы того, чтобы их изучили с научной точки зрения особенно если вы называете себя ученым. Докинз по определению рассматривает такие исследования, как фикцию, поэтому единственное, что ему остается, – это сослаться на единичные (и противоположные) исследования, дабы не утруждать себя рассмотрением множества объективных данных.

Докинз посвятил несколько страниц ученым, верившим в Бога. Он быстро расправляется с Коперником, Кеплером, Галилеем и Ньютоном, ибо их престиж не придает особого веса «заведомо плохим аргументам». Но перед Дарвином, его домашним божком и идолом, он замирает надолго. В юности Дарвин был обычным верующим. В своей автобиографии он пишет: «Находясь на борту “Бигла”, я был совершенным ортодоксом, и, помню, несколько офицеров (сами ортодоксы) потешались надо мной от всего сердца, когда я цитировал им Библию как неоспоримый авторитет в вопросах морали». Сомнение в нем посеял все тот же пресловутый вопрос, который задавали себе многие другие викторианцы: «Как единый Бог может одобрять существование многих других богов, таких как Шива и Вишну? Он что, индусам и христианам шлет различные послания?» У Дарвина было немало причин усомниться в истинности Евангелий, и после долгих размышлений он сообщает: «Я наконец разуверился в христианстве как божественном откровении».

Но вовсе не под влиянием эволюции Дарвин отверг библейскую религию, которая и в самом деле создает большой дискомфорт, если вы опираетесь на эволюцию и рассматриваете ее как главный оплот вашей атеистической позиции. Дарвин не касался проблемы персонального Бога вплоть до последних лет жизни; именно тогда он воспользовался теорией естественного отбора, чтобы опровергнуть доводы в пользу всемилостивого и вселюбящего Создателя. Удивительно, насколько это уже другой человек, когда он пишет о своем неверии. Он сравнивает себя с человеком, который не различает красный цвет в мире, где все видят красный. Таким образом, он не скрывает того, что понимает, что «самый обычный довод в пользу существования разумного Бога проистекает из глубокого внутреннего убеждения и чувств, пережитых большинством людей». В молодости и ему были свойственны те же чувства: в своем дневнике, который он вел во время путешествия на «Бигле», Дарвин вспоминает, что был настолько ошеломлен видом бразильских джунглей, что тотчас проникся убеждением: только существованием Бога можно объяснить этот феномен. Но в конце жизни эти чувства казались ему не заслуживающими доверия: «Я не вижу, как подобные внутренние убеждения и чувства могут иметь какой-то вес в качестве доказательства того, что реально существует».

Дарвин, без сомнения, заложил солидное научное основание для современного ученого, стоя на котором он может полагаться только на объективные доказательства. Но Дар-

вин вовсе не был ниспровергателем Бога. Рассмотрев со всех сторон возможность бессмертия и другие характерные признаки Бога, он говорит: «Я не претендую на то, чтобы пролить последний свет на столь трудные для понимания проблемы. Тайна начала всех вещей остается для нас неразрешимой, и я раз и навсегда должен удовлетвориться тем, что остаюсь агностиком». Единственный способ уклониться от этого неудобного факта, оставшийся в распоряжении Докинза, – это заявить, что в XIX веке давление со стороны веры было столь сильным, что неверующие с неохотой говорили о своих убеждениях. Он цитирует Бертрана Рассела, известного философа-атеиста, который, мол, подтверждает, что это давление по-прежнему тяготит и над учеными XX века: «Они скрывают этот факт на публике, поскольку боятся потерять свои доходы».

На это предположение, кажущееся слабым даже самому Докинзу, существует веский контраргумент, который он почему-то побоялся привести и который сводится к тому, что ученый верит в Бога потому, что, как говорит генетик Фрэнсис Коллинз, наука годится лишь для того, чтобы комментировать естественный, а не сверхъестественный мир. Для Коллинза как верующего христианина «оба мира абсолютно реальны и абсолютно важны. Их изучение ведется по разным направлениям. Они сосуществуют друг с другом и озаряют друг друга».

Но даже если великие ученые и верят в Бога, имеет ли это хоть какое-то значение? Ни Коперник, ни Ньютон, ни другие не ставили опыты, имевшие целью доказать существование Бога. И не полагались они также на личный духовный опыт (хотя, как следует из их биографий, у них был кое-какой опыт, присущий почти всем людям). Опрос великих ученых по поводу их мнения об искусстве тоже не имеет значения; эти две области полностью отделены друг от друга.

Если «Происхождение видов» нанесло сокрушительный удар и по Библии, и по христианской вере в целом, почему тогда Дарвин избегал атеизма? Один юный поклонник написал Дарвину письмо, в котором спрашивал ученого о его религиозных убеждениях, и получил от него тщательно обдуманный ответ. Этот ответ – благородный образчик выжидательной позиции и умения соблюдать нейтралитет. Дарвин написал:

» **На ваш вопрос невозможно ответить кратко, и я не уверен, что смог бы сделать это, даже если бы написал длинное письмо. Но я могу сказать, что невозможность понять, что эта грандиозная и удивительная Вселенная, вместе с нашими разумными «я», возникла по воле случая, кажется мне главным доводом в пользу существования Бога; но представляет ли этот довод реальную ценность, я решить не в состоянии.**

Этот ответ возвращает нас к шансам и вероятности. В эпоху веры люди наблюдали сложные закономерности в природе и сразу же видели в этом руку Создателя. По мере развития науки они утратили это интуитивное восприятие. Каждый аспект природы требовал определенных данных. Математика по всем статьям превзошла «естественную религию», как ее называли. Поэтому давайте посмотрим, какой стороне выгодна эта вероятность. Что более вероятно: что Бог существует, или Он не существует?

Что такое Бог, или «Уловка 747»

Самый известный в научных кругах ответ на этот вопрос дал в 1982 году известный британский астрофизик Фред Хойл. Выступая с лекцией по радио, он как бы мимоходом сказал: «Один мой коллега открыл, что дрожжевая клетка и 747-я модель “Боинга” имеют одно и то же число деталей, тот же уровень сложности». Современная наука, отвечая на вопрос, каким образом столь гармонично совместились все сложнейшие детали дрожжевой клетки, объясняет: это произошло случайно. Хойл попробовал подсчитать, какова вероятность того,

что слепой случай смог «собрать» целую живую клетку. Шансы были неправдоподобно низкими. Со временем все прочее забылось; не забылось лишь вот это поразительное сравнение (причем дело даже не в названных цифрах, которые с годами менялись, поскольку и сама модель самолета постоянно менялась и модифицировалась):

» **Возможность того, что высшие формы жизни могли появиться подобным образом [то есть случайно] сравнима с возможностью того, что торнадо, обрушившийся на свалку металлолома, смог бы собрать «Боинг-747» из находившихся там материалов.**

Аналогия во всех отношениях оказалась блестящей, ибо легко воспринималась и легко запоминалась. У «Боинга-747» примерно 6 миллионов деталей, и требуются ум, дизайн и планирование, чтобы состыковать их все в единый организм. Хойл не был креационистом и не верил в Бога. Его целью было показать, что возникновение очень сложных структур невозможно объяснить простой случайностью.

Аналогию с «Боингом-747» и свалкой металлолома легко усложнить – фактически в тысячи раз. Как известно, ДНК человека состоит из шести миллиардов (не миллионов) нанизанных друг на друга генетических букв, которые размещены очень тонко и умело. Если хотя бы два гена поменяются местами, это может повлечь за собой серьезные нарушения, такие как врожденные дефекты и генетические искажения. Это подразумевает наличие разумного замысла, хотя слова «разумный замысел» для креационизма слишком «умные» словечки. Креационизм упивается пристальным вниманием к себе со стороны общественности, с тех пор как христиане-фундаменталисты обрядили библейское сказание о сотворении мира в одежды шаткой науки. Тем самым концепции разума в природе был нанесен основательный ущерб, который оказался долгим и трудно устранимым.

Докинз вносит еще большую путаницу в весь этот хаос, швыряя главу за главой в головы религиозных фундаменталистов. Если вы полагаете, что природа логично задумана и разумно устроена, делает он выпад, то вы оказываетесь в одной дырявой лодке с теми, кто верит, что Книга Бытия абсолютно достоверна. Докинз принимает активное участие в дебатах с теологами и выходит из них невредимым (по его расчету), поскольку его оппоненты, одурманенные и оглушенные интеллектуальным артиллерийским огнем, вынуждены отступить, прикрываясь заплесневелыми аргументами о том, что у Бога, мол, есть специальное место в лоне природы, которое недоступно науке. В сущности, говорит Докинз, они помещают Бога в безопасную зону, делая Его недостижимым для научных выкладок и наблюдений. Если бы Его надежно не упрятали в эту зону, Он не смог бы пережить того тщательного изучения, которому мы подвергаем амеб, электроны и кости динозавров.

Да, аналогия с «Боингом-747» и свалкой металлолома столь убедительна, что ее трудно проигнорировать, в чем Докинз убеждается непосредственно. «Самый важный аргумент, – пишет он, – это довод из арсенала невероятия». Поэтому в защиту креационизма он, кроме того, потрясает религиозным памфлетом, изданным библейским обществом «Сторожевая башня», издательским придатком Свидетелей Иеговы. В памфлете приведены примеры сложных форм жизни, в творении которых ясно видна рука Создателя. Одна из таких форм – это морская глубоководная губка (Euplectella), более известная в народе как «цветочная корзина Венеры». (В Азии этот обитатель морей часто преподносится в дар – как символ романтической любви, ибо внутри каждой губки, надежно защищенные ее «лепестками», живут креветки мужского и женского пола. Когда они спариваются, их потомство выбрасывается в толщу океана и ищет себе пристанище в другой губке.) Скелет губки сформирован из миллионов стеклянных волокон, столь причудливо переплетенных между собой, что их дизайном уже давно интересуются производители волокнистой оптики; губка превращает кремниевую кислоту, содержащуюся в морской воде, в кремнезем, химическую основу стекла.

В памфлете говорится, что наука не может объяснить, как возник такой сложный организм. Из чего делается вывод: «Но одно мы знаем точно: вряд ли творцом этого организма был случай».

Докинз, видимо нарочно, удивляет читателя, соглашаясь с этим постулатом. Случайностью действительно трудно объяснить стеклянный скелет «Венериной корзины», говорит он. Никто не поверит, что такая изысканная утонченность возникла случайно. Это и в самом деле неожиданный (а потому удивительный) трюк со стороны Докинза, который в жизни полагается только на случайность и вероятность, причем основательно. Но он, повторно прибегая к аналогии с «Боингом-747» и свалкой, опровергает ее. Проблема в том, говорит он, что Фред Бойл, несмотря на то что это блестящий ученый, совершенно не понимает эволюцию. Секрет естественного отбора, который является изюминкой этой блестящей теории, в том, что он не нуждается в случайности. Живые существа – эгоисты по природе, и они эгоистически конкурируют между собой. Все их действия предопределены. Растениям нужны свет и вода. Животным – пища и брачный партнер. Как только лиана достигает нужного размера и оказывается способной оплести верхушку дерева в тропическом лесу, она получает необходимый ей свет. Гепард, у которого сильно развиты свободные, действующие как на шарнирах, плечевые соединения, удлиняющие и убыстряющие его шаг, стремится за счет этот обогнать других кошачьих при охоте на газелей. Каждое живое существо шаг за шагом делает все для того, чтобы оказаться более дееспособным в борьбе за выживание; и эти шаги далеко не случайны.

Так почему же, спрашивает он, наше сознание продолжает цепляться за Бога как за разработчика и творца этого физического мира? Да потому, что мы ошибочно полагаем: некоторые существа столь прекрасны и сложны, что просто не могут не быть созданы; наличие замысла здесь невозможно отрицать – вспомните сложнейшие спирали раковины наутилуса или такие же спиральные завитки лепестков розы, вспомните двойные волокна ДНК и расположение семян в подсолнухе. Глаза говорят нам, что над всеми этими творениями природы явно потрудился художник или конструктор, ибо только он мог изобрести всю эту красоту и сложность.

Это и так, и не так, говорит Докинз. Для нас вполне естественно связывать сделанный человеком механизм, вроде ручных часов, с творцом или мастером. Часы не собираются сами. Но в природе все по-другому. Галактики, планеты, ДНК и человеческий мозг собрались или возникли сами. Как? Дарвин показывает нам путь возникновения жизни на Земле. Сложность возникает из простых, еле заметных, но последовательных шагов. Вы можете стоять в изумлении перед римской мозаичной стеной, но если вы подойдете ближе, то увидите, что она сделана из крошечных осколков цветных камней. А камень уже не вызывает изумления. Крошечные шаги эволюции, объясняет дарвинизм, вовсе не кажутся чем-то невероятным; они – те строительные кирпичики, из которых состоит все сложное в мире природы. Выбор между Богом и случаем – неверен, пишет Дарвин. Истинный выбор – это выбор между Богом и естественным отбором.

Если вы действительно хотите увидеть что-то невероятное – невероятное до такой степени, что не сможете не рассмеяться, – тогда взгляните на Бога. Докинз называет Бога «уловкой а-ля “Боинг-747”». Бог, создавший все формы жизни одним мановением руки, как утверждает Книга Бытия, должен быть гораздо сложнее, чем все то, что Он создал: более сложным, чем ДНК, кварки, миллиарды галактик и все остальное, что возникло из небытия за 13,7 миллиарда лет, прошедших со времени Большого взрыва.

Совершенно невероятно, чтобы подобное Существо скрывалось за занавесом природы. Взгляните на хронику развития ископаемого и попытайтесь примерить этот медлен-

ный, неумолимый процесс эволюции к себе. Хойл просто вырастил красную сельдь[1], когда бросил на кон случайность. А правильный ответ таков, что конструктор (Он же художник-дизайнер) Бог не укладывается ни в какие заданные рамки. Докинз цитирует своего коллегу-атеиста Даниеля Деннета из Тафтского университета, который как философ изображает из себя глубокого мыслителя в этих вопросах. В интервью, которое он дал немецкому журналисту в 2005 году, Деннет высказал мысль, что «для того чтобы создать малое, нужно нечто фантастически большое и умное». Если вы достаточно наивны, то интуитивно воспримете такую концепцию как правильную, говорит Деннет. «Вы никогда не увидите, чтобы копье создавало копьеметателя. И никогда не увидите, чтобы подкова создавала кузнеца. И никогда не увидите, чтобы горшок создавал горшечника».

Деннет называет это «распределительной теорией творения», которая медленно просачивается от немногих в умы большинства. Бог – это кузнец, отливающий подковы в космическом масштабе. Деннет, которого Докинз представляет как «философа, обладающего научной смекалкой и здравым смыслом», придает некое правдоподобие этому доводу о невероятности. Но при этом оба согласны с тем, что космический кузнец или часовщик – это слишком сложно и запутанно, чтобы быть правдоподобным. Наука, когда она стоит перед выбором, все-таки предпочитает простейшие объяснения, если они ее удовлетворяют. Случайный выбор – довод, притянутый за уши, поэтому он никуда не годен. Бог, Который беспредельно сложен, – тоже. Остается одна лишь эволюция. Все, дело закрыто!

«Возможно» или «возможно, нет»

В реальной жизни только очень немногие люди по-настоящему верят в Бога, поскольку они запутались в сорной траве теории вероятности. Скоро я вернусь к реальной жизни. А пока давайте еще немного остановимся на этой узловой проблеме. Верите ли вы в аналогию с «Боингом-747»? Я верю. По сути, книга «Бог как иллюзия» представляет собой примитивную карикатуру на Бога. Бессмысленно спрашивать, создал ли Иегова ДНК или нет. Мы должны выбросить за ненадобностью это соломенное чучело – персонального Бога Докинза, сконструировавшего Вселенную. Это лишь еще один вариант подхода к Богу как человеку, только немного умнее. Многие люди, с которыми мне пришлось беседовать на эту тему, мыслят Бога только в человеческом образе. И когда кто-то отходит от организованной религии и предлагает своего Бога, то этого Бога они отвергают.

Почти на четырех сотнях страниц Докинз только и делает что опровергает существование Бога, даже и близко не принимая в расчет то обстоятельство, что образ Отца Небесного – это единственный способ мыслить о божественном. Как только вы отвечаете: «Это не тот Бог, которого я имел в виду», соломенное чучело Бога Отца тут же падает и оказывается неуместным. Организованную религию загнали в угол, отказав ей в поисках правдоподобной альтернативы Бога Отца, хотя такие альтернативы существуют. Святой Августин еще в V веке отверг буквальное прочтение Библии. Современная вера ушла от такого прочтения Библии намного дальше, но Докинзу от этого не легче: это никак не помогает ему узреть Бога хотя бы мельком.

Есть еще одна возможность предположить, согласно которой Бог суть Творение. (Эйнштейн предположил нечто подобное в своей знаменитой фразе о желании постичь ум Бога, хотя и не сказал определенно, что Бог наличествует внутри законов, управляющих временем и пространством.) Другими словами, Бог – не персона и не сущность, а вся природа в ее совокупности. Как источник бытия Он – отправная точка и вашего, и моего существо-

[1] Вырастить красную сельдь (*to bring up a red herring*) – идиоматический оборот, означающий «отвлечь внимание пустяковым фактом от чего-то более важного», «навязать неправильный ответ вместо правильного». – *Прим. перев.*

вания. Бог – не наш Отец, но и не часовщик, собирающий часы из разрозненных деталей (образ, специально придуманный в XVIII веке, чтобы объяснить, как один разумный Творец собирает воедино все разрозненные части космоса). У Него нет ни чувств, ни желаний. Он – само бытие. Все происходило именно потому, что вначале существовал Он. Такому Богу нет надобности быть сложным.

Представление о том, что Бог должен быть более сложным, чем вся Вселенная, – не более чем уловка. На эту тему – что Бог должен быть сложнее Своего творения – спорили еще средневековые теологи. Поэтому Докинзу и Деннету лучше бы переместиться в лекционный зал Парижского университета образца 1300 года и спорить там. В XVIII веке сравнение Бога с часовщиком стало расхожим только потому, что такое движение, как деизм (его сторонником, в частности, был Томас Джефферсон), хотело примирить веру и разум. Деисты признавали, что Бог не присутствует в этом мире, а разум подсказывал им, что и чудес не существует, ибо они не укладываются в законы природы. Что же это за Бог, если Он не всесущ и не творит чудеса? И надо ли поклоняться такому Богу? Рациональный Бог, создавший Вселенную, привел ее в движение и затем «слинял». Бог деистов как раз и подобен часовщику, который создал свой механизм, завел его и оставил работать как он есть.

«Перегиб» Докинза состоит в том, что он требует, чтобы часовых дел мастер по имени Бог был сложнее, чем Вселенная. К счастью, это требование не их тех, которые должен принять на веру каждый. Когда вы протягиваете руку, чтобы включить лампу, вы просто осуществляете простое намерение. Тот факт, что ваш мозг состоит из сотен миллиардов нейронов и, возможно, из квадрильона синаптических связей, к делу не относится. Никому не нужно рассматривать все эти нейроны и связи, чтобы вычислить вероятность того, что они привели в движение вашу руку. Рукой движет ваше намерение; сложное устройство мозга служит для совершения простого действия. Сложность – это не препятствие для мыслей, слов и действий, которые и обусловливают человеческое состояние. Мозг слишком сложен, чтобы его понять, однако это не мешает нам ежедневно пользоваться им.

В сущности, Бог с таким же успехом мог бы быть и таким простым, что дальше некуда. Он – единство. Из этого единства проистекает разнообразие, и это разнообразие – расширяющаяся Вселенная, миллиарды галактик, человеческая ДНК – невероятно сложно по своей структуре. Но источник всего этого разнообразия не обязательно должен быть таковым же. Пикассо создал десять тысяч произведений искусства, однако это не значит, что он замыслил их все разом в своем уме. Можно предположить, что Бог соизволил создавать природный мир шаг за шагом, как это и присуще естественному отбору, если только вы не настаиваете на том (как это делает Докинз), что буквальное восприятие Книги Бытия – единственная история сотворения мира, в которую верят религиозные люди. Предложенная мной альтернатива – что Бог суть Творение, – тоже имеет долгую традицию.

Следующий аргумент, который выдвигает Докинз, прямо-таки валит с ног: сложный дизайн не требует дизайнера. Исключает ли это дизайнера, который прячется в ткани творения? Нет. В предложении, являющемся образцом торжественного апофеоза, Докинз объясняет, почему естественный отбор – единственная успешная теория возникновения мира:

» **Как только жизненный ингредиент – своего рода генетическая молекула – встал на свое место, за ним естественным образом последовал истинно дарвиновский естественный отбор, и, как конечное следствие, стали возникать сложные формы жизни.**

Большинство неученых не увидят здесь никакой ловкости рук. То, что произошло после того, как возникла жизнь, не может отменить аналогию с «Боингом-747» и свалкой металлолома. Ну, а как быть с тем, что вначале сформировалась ДНК? ДНК по своей природе химическая система, но чтобы объяснить ее структуру, необходимо привлечь физику. С

точки зрения физики, последовательность событий, приведших от Большого взрыва к ДНК, представляет собой одну цепочку. То есть здесь должны были действовать те же законы природы; к тому же в цепочке не может быть никаких обрывов, иначе ДНК не возникнет.

Миллиарды лет назад достаточно было бы нескольких пропущенных стежков – например, если бы из сочетания кислорода и водорода не возникла вода, – и все бы это производство пошло прахом. Как и сегодня, космос на ранней стадии своего развития был заполнен летучим водородом и кислородом. ДНК не может существовать без воды, а воды на протяжении сотен миллионов лет должно было быть в изобилии. Хотя 99,9999 % кислорода и водорода во Вселенной – можете добавить к этой цифре сколько угодно девяток – не превратились в воду, сам факт того, что вода появилась на поверхности Земли, не является следствием ничтожных вероятностных шажков. Как раз наоборот: доводы в пользу уникальности жизни на Земле по-прежнему обладают огромной силой убедительности, и в поисках аргументов вовсе не обязательно обращаться к библейскому Богу.

Докинз понимает это очень даже хорошо. Когда он заявляет, что биология решила проблему возникновения жизни, предложив теорию постепенной или поэтапной эволюции за счет небольших вероятностных шажков, он при этом полностью уходит от вопроса, как возникла ДНК, которая, в общем-то, не такой уж небольшой шажок. При этом он признает, что физика еще не нашла ответа, объясняющего сложность космоса. Но он обещает, что однажды это непременно произойдет. К сожалению для него, пока этот день не наступил, все его объяснения с позиции биологии не имеют под собой основания. Это все равно что объяснять, что Микеланджело написал свою «Сикстинскую мадонну», просто нанося мазок за мазком и не принимая в расчет того, откуда взялась сама живопись. Нет живописи – нет и картины. Нет ДНК – нет и эволюции. Тот факт, что Докинз полностью полагается на Дарвина, ведет его в неверном направлении, если уж ни он сам и никакой другой генетик не может объяснить, как возникла ДНК. (Наверняка известно только одно: ДНК не играет никакой роли в той борьбе, где выживает сильнейший.)

Ссылаясь на гены, Докинз, очевидно, допускает главную ошибку в дарвиновской теории. Он настолько одержим идеей убедить нас в том, что естественный отбор не случаен (каждый, кому известен «первый пункт», и сам знает об этом), что он отбрасывает краеугольный камень стандартной генетической теории: мутация генов происходит случайно. Если вы возьмете фруктовых мушек и проследите за тем, как видоизменяются их гены, то конечные данные будут в точности соответствовать случайному распределению. Если бы фруктовые мушки рождались с искаженными мутациями – с преобладанием особей мужского, а не женского пола; с глазами, которые раз от разу становились бы все больше; с восемью лапками, которые увеличивались бы от генерации к генерации, – тогда можно было бы говорить о том, что налицо некие цель и направление. Но цель и направление преданы анафеме в системе Дарвина и Докинза. В их теорию вписываются только случайные мутации.

Для статистика случайные образцы генетических изменений – это практически идеал. В ДНК каждого человека генетический наследственный материал, известный как митохондриальная ДНК, не меняется от поколения к поколению; она передается детям от матери, не смешиваясь с генами отца. Уникальная особенность митохондриальной ДНК натолкнула генетиков на мысль использовать ее для вычисления и составления расписания мутаций, вызванных внешними факторами, такими как рентгеновские и космические излучения, и добавить их к явлениям случайных мутаций в митохондриальных ДНК. В результате были созданы «биологические часы» – наиболее точный способ определения, насколько быстро гомо сапиенс сотни тысяч лет назад расселился по земле из своей изначальной генетической вотчины в Африке. Эту вотчину часто называют «митохондриальной Евой».

Случайные мутации генов являются первичным движителем эволюции, и в качестве таковых они признаются всеми. Жираф не сможет дотянуться до листьев, расположенных на

дереве еще выше, пока под действием генетических мутаций его шея не станет еще длиннее. Рыба не сможет выползать из моря на берег, пока под действием случайных мутаций не разовьет дыхательную систему, обеспечивающую дыхание вне воды. Разумеется, если вы убежденный дарвинист, то для вас случайность – это все; поэтому более чем странно, что такой ярый защитник истинного дарвинизма, как Докинз, отвергает ее здесь.

Я знаю, что такой человек, как я, далекий от биологии, рискует навлечь на себя насмешки за то, что вдается в чисто технические проблемы, но загадка существования Бога слишком важное дело, чтобы оставлять его техникам. Мы пользуемся словом «Бог», когда хотим подтвердить, что у бытия есть цель и смысл, поэтому если вы не в состоянии отказаться от Вселенной, подверженной случайностям, то у вас вряд ли будет пространство для защиты Бога. Бог, идущий на поводу беспорядка и случайности, ничем не лучше и не умнее того, кто вытягивает из барабана шары с номерами во время розыгрыша лотереи. К счастью, пока мы остаемся верными науке, у нас есть пути выхода из ловушки случайностей, и ниже мы обсудим эти пути достаточно подробно.

Докинз хвастается тем, что доказательства, приводимые им против Бога, остаются «без ответа», но на это легко возразить. Дело в том, что в своей книге он нападает на некоторых ученых – так же, как это делают и креационисты. Но они при этом указывают, не скрывая своего неприязненного отношения, что наука основывается на фактах, а таких фактов Докинз как раз и не приводит. Он не проводил научных экспериментов и не делал каких-либо вычислений в поддержку своих атеистических идей. Самый серьезный научный упрек, который можно ему предъявить, – что в книге не представлено ни единой гипотезы, которую можно было бы проверить. Автор просто прибегает к преднамеренным выводам и заключениям, не давая себе ни труда, ни времени приводить какие-либо аргументы, кроме тех, которые ведут его в том направлении, какое ему желательно.

Такой ведущий биолог, как Х. Аллен Орр, цитирует заявление Докинза, что «мы должны обвинять в первую очередь саму религию, а не религиозный экстремизм, как будто именно он самое страшное извращение ныне сущей упадочнической религии». (Экстремизм, разумеется, именно таков и есть.) Орр сухо комментирует это заявление: «Как вы, возможно, заметили, когда Докинз обсуждает религию, он, в сущности, является слепым орудием, кому трудно отличить унитариев от тех, кто подложил бомбу в родильный дом». Докинз пытается вытрясти начинку из библейского Бога, и, чтобы убедиться, что он сможет пнуть Господа, когда Тот упадет, он прибегает к наипростейшей версии библейского Бога.

Об утконосе, и не только

Я обещал, что вернусь к реальной жизни, и сейчас самое время сделать это. Если Бог существует, то это должно бы существенным образом отразиться в реальной жизни, отразиться на том, как исполняются ваши мечты, стремления и желания. Ни одна малая цель не заслуживала бы того, чтобы стремиться к ее достижению. Ибо Бог отменил бы страдание и оставил бы одну радость. Он восславил бы человека и сделал щедрыми условия его жизни, а не оставлял бы его во власти страданий и сомнений. Докинз открыто выступает как враг всех религиозных путей, ведущих к лучшей жизни. Поэтому давайте предположим, что вы уже подошли к развилке дорог и видите, что на одном указателе написано: «К лучшей жизни через науку», а на другом: «К лучшей жизни через Бога».

Каждый путь очень долог, но вы видите только малый отрезок пути. Куда же какой ведет? Если вы оглянетесь назад, то увидите, что ваше прошлое теряется в дебрях ужасающих ошибок. Испанская инквизиция была ужасной и нечеловечной, но инквизиторы убили ничтожно малое число людей по сравнению с теми, кто погиб в Хиросиме и Нагасаки. В обвинения можно играть вечно, но вряд ли от этого будет кому-нибудь польза. Земная реаль-

ность сама подскажет, какую дорогу выбрать, раз уж вы не можете увидеть, где и чем заканчивается каждая из них.

При выборе важно понимать, что воинствующие атеисты, эти чемпионы науки, не такие уж и великие мыслители, как они себя подают. Орр замечает по этому поводу: «Одна причина, почему в книге Докинза отсутствуют веские аргументы, по крайней мере, очевидна: Докинз как автор для этого никуда не годится». Действительно, Докинз не понимает, что его дзюдоистские телодвижения, обращающие аналогию с «Боингом-747» против нее самой, причиняют боль только ему. Мы же обязаны прибегнуть к лучшей логике. Самое важное – найти правильный вопрос о Боге. Если задавать неправильные вопросы, то это приведет к неверным умозаключениям. Но если вы хотите спросить о Боге, то неправильные вопросы порой содержат в себе и вполне обычные.

Слышит ли Бог?

Этот вопрос подразумевает, что Бог, как и человек, имеет уши и Его внимание периодически переключается. Но если Бог – это Бог, то, по определению, Он постоянно слышит все.

Как известно всякому, этот вопрос влечет за собой большую долю сомнения и вины, поскольку он подразумевает, что Бог должен отвечать на молитвы только тех людей, которые заслуживают ответа. Все прочие, кто не получает того, чего хочет, суть грешники или люди в той или иной мере ущербные. Возможно, они не молятся так усердно, как надлежало бы, или в их молитвах не чувствуется большой веры. Но Он не может оставить без внимания ни одну молитву, иначе бы Он не был Богом. А раз оставляет, то это ставит под сомнение ответ на первый вопрос: а слышит ли Он?

Чего хочет Бог?

Вопрос предполагает, что у Бога есть неутоленные потребности, что Он одержим желаниями точно так же, как и мы. Но если Бог – это Бог, то Он уже объемлет Собой все сущее или все, что может быть явлено к существованию. У Него нет места для желаний. Но самым насущным вопросом для большинства людей был и остается этот: «Чего Бог хочет от меня?» Он предполагает, что ограниченный человек способен дать Богу что-то такое, чего Тот не может получить.

Сюда можно добавить и множество других подобных вопросов: «Действительно ли Бог обо мне заботится? Любит ли христианский Бог нехристиан? Какому Богу я должен молиться?» и т. д., – но всем им присуще одно общее свойство: они не о Боге, а о человеческой природе, проецируемой на Бога. Разумно ли спрашивать, слышит ли вас Бог и заботится ли о вас? И достойно ли спрашивать, почему Он игнорирует одни молитвы и отвечает на другие? Когда вы задаете подобные вопросы, вы не к Богу обращаетесь, а к человеку, и спрашиваете его, как бы он поступил, будь он Богом. В хорошем настроении он бы слышал все молитвы, а в плохом отвечал бы только на те, на какие счел бы нужным ответить.

Но есть и другие, правильные вопросы о Боге, которые могли бы дать весьма плодотворные результаты. Вот лишь некоторые из них:

- Существует ли Бог?
- Вездесущ ли Бог?
- Стоит ли Бог у истоков ума и сознания?
- Исходит ли любовь из Бога?

Что делает эти вопросы правильными? Как и у неправильных, у них есть нечто общее. Они выглядят как трансцендентные. Они исследуют возможность высшей реальности. Пытаться понять, почему мы существуем и в чем смысл нашей жизни, – вполне законно, справедливо и не содержит в себе ничего предосудительного. Ответ на вопрос: «Откуда я

происхожу?» – ведет нас в то место, откуда берутся любовь, ум и все прочее. Люди не могут процветать, когда их одолевают сомнения. Даже если мы утратим веру в себя, жизнь не потеряет для нас своего значения. Мы наполняем ее разумностью, целью, творчеством, любовью и смыслом. Каким смыслом? Каждый человек вправе отвечать на этот вопрос по-своему, что все мы, в сущности, и делаем. Мы тратим жизнь на то, чтобы удовлетворять свои желания и наполняться чувством любви, которая то приходит, то уходит, как прилив и отлив, стараясь при этом понять друг друга и встречаясь с новыми испытаниями.

Докинз не является общепризнанным врагом смысла, но он совершает ошибку, полагая, что только наука может дать этот смысл. Такая точка зрения называется научной, и она утверждает, что ни одна истина не может считаться достоверной, если эта истина ненаучна; это то же самое, что сказать: наука может объяснить все, а если не может, то не беда. Те явления, которые наука объяснить не может, не стоит даже принимать в расчет или брать к рассмотрению. Именно здесь правильные вопросы достигают тупиковой точки. Если вы изучаете Вселенную, добывая данные и сведения о ней всюду, где только можно, большая часть того, что делает жизнь богатой и прекрасной, вылетает в окно. Бог – это не фикция, не странный, сверхъестественный вымысел, как полагает Докинз. Он – первоисточник нашего внутреннего мира, то место, где рождаются искусство, музыка, воображение, визионерские идеалы и концепции, любовь, альтруизм, философия, нравственность и человеческие привязанности. У этого мира свои истины. И мы можем постичь их, только идя путем познания. Только инопланетянин будет пытаться доказать существование любви, взвешивая вероятность такой возможности. Только тот, кто никогда не видел утконоса, будет полагаться на статистические факты, доказывая, что такой твари не существует. Но именно таков метод постижения Бога, взятый на вооружение Ричардом Докинзом.

Психология уверенности

Воинствующие атеисты – это прочная стена. Стоя рядом, плечом к плечу, они охраняют нулевую точку веры, согласно которой Бог никогда не существовал ни в какой из форм. Поэтому Он не заслуживает ни почитания, ни уважения, ни любви. Что ж, психология уверенности – состояние, где сомнение рассматривается как форма слабости, – явно на их стороне; да иначе и не может быть во времена, когда религиозная вера сильно пошатнулась, а сомнение – та среда обитания, в которой пребывает большинство людей. Вот почему религиозный фундаментализм – это зеркальный образ Докинза и компании, образующий прочную стену по ту сторону веры.

Уверенность – надежный страховочный якорь. Однако большинство людей, даже когда чувствуют, что их куда-то сносит, не могут его бросить и встать на прикол. Воспитанные в вере в Бога, они пытаются избегать религиозных диспутов. Но та уверенность, которую излучают Докинз со товарищи, несомненно, как-то влияет на их сомнения, касающиеся Бога. Она прокладывает путь в их умы – тихо, но неумолимо, подобно термитам, обосновавшимся в подвале дома и прокладывающим путь наверх. С каждым днем поддерживать веру становится все труднее. (Здесь важно помнить, что регулярное посещение церкви в Англии держится на крайне низкой отметке, составляя около 10 %.) Вот, например, исповедь Фрэнсиса Спуффорда, преподавателя письменного английского из Лондона:

» **Моей дочери только что исполнилось шесть лет. Примерно через год или около того она непременно обнаружит, что ее родители – чокнутые. Мы действительно чокнутые – потому, что ходим в церковь. Это значит, что, по мере того как она будет взрослеть, некие услужливые голоса, которые всегда нашептывают ребенку, что все это значит, будут звучать все громче и громче, пока – к тому времени, когда она станет подростком, – не будут кричать ей об этом прямо в ухо. Это значит, что мы верим в некий абсурд, восходящий по меньшей мере к бронзовому веку; что мы боль и страдание превращаем в фетиш; что мы защищаем некую невыразимую красоту, которая никому не нужна; что мы слишком глупы, чтобы понимать иррациональность наших убеждений, – короче, что мы дико несуразные люди.**

В своих сочинениях Докинз старается дать почувствовать читателям, что они идут против истории, что они не на той стороне. Вера уже сама по себе делает вас чокнутыми в глазах большинства, а скоро вы вдобавок ко всему станете изгоями общества.

Атеизм за коктейлями

Докинз в пылу полемики выдает на гора один неубедительный довод за другим, но при этом, надо отдать ему должное, никогда не теряет нить психологического обоснования своей силы. Он и его группа – это классический пример следования принципу: «Раз мы заодно – значит, мы правы». Когда они собираются вместе, то практически никогда не говорят о том, как бы привлечь массы новообращенных на свою сторону. Нет, они говорят о том, какие они выдающиеся мыслители. Достаточно посмотреть на выложенное на YouTube видео «Четыре всадника», спонсированное Докинзом, чтобы убедиться в этом. В нем Докинз, выступающий в качестве модератора, на протяжении двух часов только тем и занимается, что, отбросив все приличия, честит Бога в хвост и в гриву. (Столь интригующее название для группы – «Четыре всадника» – придумал Кристофер Хитченс; полностью группа называется «Четыре всадника контр-апокалипсиса», но в обиходной речи оно сократилось до двух слов.)

Это видео воспроизводит уже знакомые нам аргументы, заимствованные из книги «Бог как иллюзия», но при этом дает глубже почувствовать атмосферу, создаваемую этими выдающимися светочами воинствующего атеизма, среди которых два британца – Докинз и Хитченс, и два американца – Дэниел Деннет (он самый старший в группе, с белой бородой и в очках) и Сэм Харрис (он выдает себя за новообращенного, пришедшего в ряды атеистов после долгих духовных поисков, рассеявших все его иллюзии). В синих джинсах и черной рубашке Харрис выглядит стройным, подтянутым и довольно молодым (ему около сорока лет). Хитченс (ему за пятьдесят) – типичный образчик взъерошенного и потасканного жизнью манипулятора общественным мнением, который давно уже пребывает в состоянии раздраженного цинизма. Докинз в фильме похож на сову; он очень напоминает преподавателя английского колледжа, который обучает учащихся методу Сократа; взгляд у него просветленный и проникновенный. Он ставит вопросы и страстно хочет услышать на них ответы. Все четыре «всадника» крайне самонадеянны, даже дерзки и нахальны, особенно когда пытаются перещеголять друг друга по части анекдотов о религиозной иррациональности. Зритель не подготовлен к такой крайне путаной, полной предубеждений дискуссии, которая разворачивается прямо на его глазах.

Еще несколько деталей. Действие происходит в залитой солнечным светом гостиной или библиотеке. На заднем плане – белый камин. Вокруг стола, уставленного бутылками с водой и коктейлями, аккуратно стоят выдвинутые стулья. Хитченс добавляет ко всему этому зловещую нотку, выкуривая сигарету за сигаретой; видео сделано в 2007 году, за три года до того, как ему поставили смертельный диагноз – рак пищевода.

Докинз открывает дискуссию, говоря, мол, всех нас обвиняют в том, что мы резки, тщеславны, саркастичны и назойливы. Что вы думаете по этому поводу?

«Это меня забавляет, – говорит Деннет. – Да, в своей книге я несколько отошел от выбранного маршрута, пытаясь достучаться до разумных верующих, и даже наскоро опробовал это на группе студентов, считавших себя глубоко религиозными людьми». Но это, по словам Деннета, «причинило им такую боль», что ему пришлось срочно внести коррективы. Хорошего в этом мало, поскольку его «до сих пор клеймят и прибивают к позорному столбу за то, что он якобы груб и агрессивен». Однако эта негативная реакция так и не натолкнула его на мысль задаться вопросом: а не за дело ли его клеймят и прибивают к позорному столбу? Нет, вместо этого под градом обвинений он счел уместным оправдываться, чтобы снять с себя бремя вины. «Религия, – говорит он, – довела дело до того, что просто невозможно спорить с ними, приводя вполне критические аргументы, и при этом не быть грубым». Докинз сразу же соглашается.

Тон и манера Деннета довольно сдержанные, но он упрямо и монотонно настаивает на своем – как преступник, обвиняющий свою жертву. «Это они заставили меня пойти на это» – вот разумное обоснование, которого придерживаются оба. Верующие «при каждой раздаче карт играют в обиженные чувства», – продолжает Деннет (игнорируя тот факт, что и сам он, возможно, кого-то обидел, задев их чувства), поэтому что еще ему остается, какой такой выбор? «Что же мне делать: или продолжать быть грубым… или пришпилить губы кнопкой?» Это не выбор между «или-или», но воинствующему атеизму на это наплевать, ему важно поддержать свое реноме сильной оппозиции. Иначе ему не оправдать свою безапелляционную уверенность. Иначе не останется сумрачных зон, дающих почву для зрелой дискуссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.